

ОГОНЁК
№ 1 ЯНВАРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Они встретились еще в прошлом году... Фото И. Кошелькова.

Первая страница обложки—работы художника А. Житомирского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 1 (1698)

1 ЯНВАРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДОРОГА В БУДУЩЕЕ

— А с горы-то видней!

Точным этим определением один председатель колхоза начал рассказ, вернувшись с заседания Пленума Центрального Комитета партии.

С горы! Ну, конечно же, прежде всего он имел в виду то, что побывал на Пленуме Центрального Комитета. Но думал он и о другом. С горы — значит, с нового, высокого, вчера еще недоступного рубежа, который занят и освоен ныне нашей деревней.

Огромными успехами отмечен 1959 год. Вновь и вновь вчитываешься в цифры, которые были названы на Пленуме ЦК КПСС,—и вновь поражаешься величайшей жизненной силе, которая заложена в нашем социалистическом хозяйстве. Радуют новые рубежи, новые горизонты. Колхозы и совхозы Российской Федерации взялись выполнить по мясу семилетку за пятилетие. А труженики сельского хозяйства Рязанской и Свердловской областей, Татарской автономной республики решили выполнить се-

В Москве, в Кремле состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. На Пленуме 25 декабря с речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев. На снимке: товарищи Д. С. Полянский, Н. С. Хрущев, П. Н. Поспелов, Е. А. Фурцева, А. Н. Косыгин и А. И. Микоян в перерыве между заседаниями Пленума.

Фото Я. Рюмкина и С. Раскина.

Президиум Верховного Совета СССР Указами от 25 декабря наградил большую группу тружеников сельского хозяйства. Лучшим из них присвоено звание Героя Социалистического Труда. В тот же день в праздничной, торжественной обстановке в Большом Кремлевском дворце состоялось вручение правительственных наград. На снимке: руководители партии и правительства среди награжденных.

Состоялся Пленум ЦК КПСС, посвященный дальнейшему развитию сельского хозяйства. ★ Вышла в свет книга «Лицом к лицу с Америкой. Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США». ★ Чем встречают советские люди 1960 год? Об этом говорится в статье В. Солодовникова «В канун шестидесятых годов». Новогодней дате посвящен и памфлет Андре Вюрмсера. ★ Начинается публикация повести Л. Пасенюка «Перламутровая раковина». ★ Творчество композитора А. Хачатуряна раскрывается в очерке И. Андроникова «Вальс Арбенина». ★ На последних страницах—«Подумаем, поговорим, посмотрим».

милетний план по основным продуктам животноводства за два — три года. Пример передовых зовет всех тружеников сельского хозяйства. Все громче и громче звучит лозунг: «Уже в этом семилетии догнать США по производству мяса на душу населения!». А украинская деревня? А Казахстан, Узбекистан, Белоруссия, Таджикистан, Азербайджан, Прибалтика!.. Во всех краях земли советской люди окрылены одной мыслью, одной заботой: сжать, сократить сроки, намеченные семилеткой!

Новые рубежи — и новые запевы. Новые запевы — и новые имена. В декабре прошлого года с трибуны Пленума ЦК раздались запевные голоса Александра Гиталова и Николая Мануковского... Они изгнали ручной труд с кукурузных полей, и в этом почине воплотилась генеральная линия нашего времени: дать больше продуктов при наименьших затратах. Прошел год, и мы с восхищением узнаем, какой могучий хор подхватил запев новаторов. Семьдесят тысяч механизированных звеньев в России и сорок тысяч на Украине работали нынче по методу Гиталова и Мануковского. Вот величайшая сила примера, поставленная партией на службу обществу!

Зная о могучести этой силы, мы с надеждой называем новые имена запевал второго года семилетки. Сегодня страна говорит о славных украинках Антонине Еременко и Евгении Долинюк, которые уже обогнали американских фермеров по самому главному счету — производительности труда. Мы говорим о калининской колхознице Валентине Беловой, о львовском колхознике Ярославе Чиже, которые совершили переворот в свиноводстве, резко подняли производительность труда и дают народу дешевое мясо. А Меликуз Умурзаков и Джават Кучиев из Узбекистана — прекрасные мастера машинной уборки урожая, собравшие за сезон по 150—200 и больше тонн хлопка-сырца. А Таисия Кобринец из белорусского колхоза «Победа», получившая на площади в 30 гектаров зеленой массы кукурузы с початками в среднем по 1725 центнеров! А кубанские утятницы! А инициаторы беспривязного содержания коров и бесстаночного содержания свиней!.. Все это бойцы самого решающего участка деревенского фронта. И можно не сомневаться, что как у Гиталова и Мануковского, так и у этих героев завтра же объявятся тысячи и тысячи последователей.

Зима... Поля укрыты снегами, метут метели, но необыкновенно горячая пора стоит в деревне. Земледельцы, животноводы, садоводы — огромная армия сельских тружеников готовится в новый поход. Горизонты ясны. Рубежи намечены. Пленум ЦК указал нашей деревне кратчайшую дорогу в будущее.

Будущее!.. Мы идем ему навстречу, полные веры в торжество коммунизма. Народ наш занят великим созиданием. Он не хочет войны и решительно выступает против всех ее зачинщиков. Он горячо благодарит партию, правительство, его главу Никиту Сергеевича Хрущева за все то, что сделано и делается для сохранения мира на земле. С думой о светлом коммунистическом будущем и вступает советский человек в год 1960-й.

УЧАСТНИКИ ПЛЕНУМА ЦК КПСС: дважды Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Красный Октябрь», Кировской области, П. А. Прозоров, Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда председатель колхоза «Рассвет», Могилевской области, К. П. Орловский, Герой Социалистического Труда комбайнер совхоза «Цветочный», Омской области, С. А. Ставских.

Фото В. Егорова и В. Савостьянова (Фотохроника ТАСС).

РАССКАЗ О ТРИНАДЦАТИ ДНЯХ СЕНТЯБРЯ

Каждый год в мире выходит много хороших книг. Прочесть их все невозможно. И все же иные из них будоражат умы всех людей, независимо от языка, взглядов и убеждений.

Именно к категории таких книг следует отнести книгу «Лицом к лицу с Америкой». Сегодня она вышла в Москве, ее с огромным интересом и благодарностью прочтут советские люди. Завтра ее переведут во всех малых и больших странах. И в этом нет ничего удивительного, ибо «Лицом к лицу с Америкой» рассказывает о самом важном, о самом главном в послевоенной мировой истории: о визите Н. С. Хрущева в США, положившем начало новой эры в международных отношениях.

О миссии мира и дружбы, о ее значении очень много писала пресса всех столиц на земле, не сходит эта тема со страниц газет и журналов и сейчас. Еще больше будет написано в будущем о тринадцати днях сентября 1959 года. Это и понятно. Визит Н. С. Хрущева в США — событие, соединившее в себе много самых сокровенных чаяний. И главный смысл их в одном: разум человека — властелина природы — должен восторжествовать над тьмой.

Время так стремительно и так богато событиями, что вчерашний день кажется далеким. Возможно, время сотрет из памяти отдельные детали поездки Н. С. Хрущева по США. Тем большую ценность представляет книга «Лицом к лицу с Америкой», рассказывающая, как протекал день за днем, час за часом исторический визит. Книга передает дух, атмосферу встреч Никиты Сергеевича с государственными и политическими деятелями, с простыми американцами, запечатлела его реплики, замечания и высказывания, сделанные на ходу.

Том в голубой обложке, объемом в 678 страниц, написан непосредственными очевидцами поездки главы Советского правительства в США: А. Аджубеем, Н. Грибачевым, Г. Жуковым, Л. Ильичевым, В. Лебедевым, Е. Литошко, В. Матвеевым, В. Орловым, П. Сатюковым, О. Трояновским, А. Шевченко и Г. Шуйским. Это не простой протокольный отчет. Авторы «стремились придать изложению волнующих событий и замечательных фактов форму живого рассказа»,

Дважды Герой Социалистического Труда бригадир тракторной бригады колхоза имени XX партсъезда, Кировоградской области, А. В. Гиталов, дважды Герой Социалистического Труда звеньевая колхоза имени Ленина, Закарпатской области, А. М. Ладани, дважды Герой Социалистического Труда звеньевая колхоза имени Сталина, Тернопольской области, Е. А. Долинюк, Герой Социалистического Труда председатель Кировоградского облисполкома Г. А. Турбай, Герой Социалистического Труда звеньевая колхоза имени Хрущева, Волынской области, А. М. Смирнова.

← Доярка колхоза «Правда», Азербайджанской ССР, Басти Хан-али-кызы Фатуллаева, птичница совхоза «Октябрьский», Павлодарской области, Л. И. Безбородова, Герой Социалистического Труда звеньевая колхоза имени Орджоникидзе, Грузинской ССР, Т. Н. Чхаидзе и комбайнер колхоза имени Джамбула, Акмолинской области, Дикен Шинкеева.

как они пишут в своем вступлении. И надо отдать должное: им в полной мере это удалось.

Книга читается с захватывающим интересом даже теми, кому выпало счастье сопровождать Н. С. Хрущева по США. Это достигается тем, что авторы привлекли материалы из самых разнообразных источников, отобрали наиболее характерные и точные штрихи и факты. Короткий комментарий, более подробное объяснение некоторых вопросов, а иногда и недолгий экскурс в прошлое помогают читателю разобраться в хитросплетении международных дел, почувствовать психологию капитанов Америки, умонастроение ее рядовых граждан, разглядеть за рекламной пестротой городов их подлинную жизнь.

Первая глава, «Накануне визита», как бы вводит в курс великого события. Что же произошло? Как же так, шестнадцать лет не признавая СССР, а в последние годы став главой антикоммунизма, Соединенные Штаты приглашают в гости лидера правительства и Коммунистической партии Советского Союза? Авторы глубоко и публицистически ярко повествуют о том, почему стал возможным этот визит, как бы воскрешают обстановку, в которой проходила подготовка к приему высокого гостя в Вашингтоне.

«От Москвы до Вашингтона» — самая большая глава книги. Почти вся она посвящена первым двум дням пребывания Н. С. Хрущева в США. Но по ней мы можем судить, как был до предела насыщен встречами, важными беседами, спорами каждый час поездки высокого гостя: торжественная встреча на аэродроме Эндрюс, беседа с президентом США, осмотр города, обед в Белом доме, посещение научного сельскохозяйственного центра Белтсвилл, пресс-конференция в Национальном клубе печати, поездка на автомобиле по центральным улицам столицы, чай в Капитолии с двадцатью пятью сенаторами, прием в советском посольстве. Все эти поездки, обеды, осмотры не только формальность, предписываемая дипломатическим протоколом, не просто приятное времяпрепровождение. Это на каждом шагу столкновение двух идеологий, это разъяснение политики Советского государства, убедительные и мастерские ответы на самые неожиданные вопросы, это, наконец, образный рассказ всему американскому народу о неодолимой силе марксизма-ленинизма, о победах советских людей в строительстве коммунизма.

Я не оговорился, сказав «всему американскому народу». Все тринадцать дней пребывания Н. С. Хрущева в США «шестая держава», как иногда называют журналистов, ни на минуту не выпускала из поля зрения главу Советского правительства. Делали это американские репортеры прежде всего для того, чтобы как можно полнее удовлетворить интерес своего народа к визиту. Газеты свои сообщения о минувшем дне начинали с подробных отчетов о поездке Н. С. Хрущева. Отовсюду, куда только мог проникнуть глазок аппарата, телекомпании передавали выступления, речи, беседы высокого гостя. И день ото дня все шире открывались глаза американцев.

Как снежный ком, росла популярность Н. С. Хрущева среди американского народа. Факт, который пугал кое-кого из влиятельных лиц США, хорошо прослеживается в книге. Город за городом — теплее встречи, больше людей собирается по дорогам, улицам, у гостиниц, непринужденнее беседы, толще пачки приветственных писем и телеграмм и... меньше полицейских.

Как известно, есть в Америке люди, занимающие видные посты в государстве и политике, которые были против визита Н. С. Хрущева. Свой вес, свое значение они не преминули использовать, чтобы если не сорвать, то хотя бы омрачить его поездку по США. Авторы книги очень убедительно показывают это в главе «Здесь встречаются теплый и холодный ветры». Ударной силой для своего гнусного дела противники визита избрали мэра Лос-Анжелоса Норриса Поулсона. «Все были милы с Хрущевым, но я поступлю иначе, — говорил мэр комментатору телевидения Пату Майклсу, — вы увидите, какую я речь произнесу. Я покажу свой кулак, но он будет в бархатной перчатке. А под бархатом у меня будет длинный острый нож, и я всажу этот нож».

Грубую провокационную речь Н. Поулсон произнес, но, кроме конфуза, из этого ничего не получилось. Его бестактный поступок осудили сами жители Лос-Анжелоса. Подавляющее большинство из тех, к кому подходили газетные репортеры, говорили: «Нам стыдно за мэра».

«Об этом надо подумать, — писали американские журналисты, — ибо общественное мнение явно не на стороне тех, кто хочет холодно встретить Хрущева».

Книга «Лицом к лицу с Америкой» заканчивается письмами. В главе «Думы народа, поддержка народа» опубликованы письма советских людей, друзей из социалистических стран. В отдельную главу собраны письма и телеграммы американских граждан. Всю почту, пришедшую на имя Н. С. Хрущева во время его поездки и после нее, естественно, включить в книгу не удалось. Напечатана лишь небольшая часть.

Мне выпало редкое счастье сопровождать в числе журналистов Н. С. Хрущева в его поездке по Соединенным Штатам. Я видел, наблюдал, слышал, как по-человечески просто, доходчиво и образно разговаривал Никита Сергеевич с простыми американцами, с каким покоряющим мастерством, знанием дела выступал он перед государственными и политическими деятелями США, с какой полемической страстностью вел спор с нашими недоброжелателями, одерживая во всех случаях полную победу.

Перевернута последняя страница книги. Перед глазами вновь, словно наяву, промелькнули незабываемые дни. Сердце, как и три месяца назад, до краев переполнили радость и гордость за величие советской Родины, нашей Коммунистической партии. Каждый, кто прочтет эту книгу, как бы сам на несколько часов становится участником исторического визита. И в этом одно из главных достоинств книги «Лицом к лицу с Америкой».

Борис ИВАНОВ

В КАНУН ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

В. СОЛОДОВНИКОВ,
заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР

365 дней — мгновение в жизни народов. Но история человечества знает такие «мгновения», от которых поистине захватывает дух. Думается, что год 1959-й с полным правом может быть отнесен к великим рубежам.

Первый год семилетки! Да, это был год разительных побед, масштабы которых необычны даже для нашей бурно растущей страны. Это был год горделивых замыслов и грандиозных свершений, творческих порывов миллионов и изумительного взлета нашей науки и техники.

С приподнятым, хорошим настроением вступаем мы в шестидесятые годы двадцатого века. Радуются вместе с нами нашим успехам все, кому дорог мир, демократия, социализм, а друзей у нас на земле теперь легион.

Но и недруги наши вынуждены сегодня признать, что в историческом соревновании капитализма и социализма побеждает новый, прогрессивный строй, побеждают рабочие и крестьяне, которые, взяв власть в свои руки, по заветам Маркса и Ленина строят новую, светлую жизнь. Вот три тома подготовленных в США материалов доклада «Сравнительный анализ экономики США и Советского Союза». Основные выводы этого доклада, обсуждавшегося недавно на заседании подкомиссии экономической статистики при Объединенной экономической комиссии конгресса США, сводятся к следующему: «Русская экономика является даже более сильной, чем это признавалось большинством», «Экономика Советского Союза в ближайшие 10 лет будет продолжать развиваться быстрее, чем экономика США».

Советских людей не могут не радовать такие признания. Но хочется отметить принципиальную перемену в позиции, с которой Запад стал разговаривать с Востоком. Куда девался былой хвастливо-наступательный тон? За океаном начинают понимать, что разговаривать с лагерем социализма, угрожая оружием, бесполезно. Особенно после исторического визита Н. С. Хрущева в США, после того, как благодаря усилиям СССР и всех миролюбивых сил земного шара лед «холодной войны» стал крошиться. Даже в Америке, где психоз «холодной войны», я бы сказал, приобретает характер национального бедствия, представители самых различных общественных кругов предпочитают сравнению зловещих достижений военной техники анализ статистических данных о производстве машин и хлеба, мяса и трикотажа у нас и у них.

Вопрос не новый — Октябрь семнадцатого года поставил его на повестку дня: кто кого? Кто победит в экономическом соревновании: капитализм или социализм? Но, пожалуй, сейчас, как никогда раньше, спор о ходе и перспективах этого соревнования, и в первую очередь соревнования экономики США и СССР, стал одним из главных узлов идеологической борьбы двух миров, стал, по выражению Объединенной экономической комиссии конгресса США, «предметом ожесточенной международной полемики».

Автор этих строк, занимаясь проблемами советско-американских отношений, внимательно следит за ходом этой полемики. И для полной ясности хотелось бы сегодня напомнить нашим оппонентам историю вопроса.

В 1955 году конгресс США опубликовал доклад «Тенденции экономического развития стран советского блока в сравнении с западными державами», подготовленный группой экономистов Гарвардского, Колумбийского и ряда других университетов страны. Авторы доклада, действуя по принципу «всякая лиса свой хвост хвалит», утверждали, что в 1975 году расстояние, отделяющее СССР от США по производству материальных ценностей в целом и в расчете на душу населения, еще более возрастет в сравнении с пятьдесят пятым годом. В ответ на этот доклад советские экономисты в серии брошюр и статей, а затем и в книге «Экономическое соревнование двух мировых систем» (1957 год), оперируя конкретными фактами и цифрами, доказали, что к 1975 году Советский Союз положит конец индустриальному превосходству США.

Американцы реагировали незамедлительно и довольно нервозно. В том же 1957 году Объединенная экономическая комиссия конгресса США публикует новый доклад — «Экономический рост Советского Союза в сравнении с Соединенными Штатами». Его авторы — более 40 известных профессоров и ведущих специалистов США — вынуждены признать, что темпы роста экономики СССР выше, чем США. Но, тем не менее, Советский Союз, пророчили за океаном, «неопределенно долго» будет отставать от США по уровню производительности общественного труда, а также по размерам производства и потребления продукции на душу населения. Советские экономисты опровергли и эти «прогнозы». Была подготовлена и издана книга «Экономическое соревнование между СССР и США», посвященная анализу и разоблачению выводов экспертов американского конгресса. Было научно доказано, что сохранение нынешних тенденций экономического развития СССР и США приведет к выравниванию их уровней в ближайшие 10—12 лет. И это позволит нашей стране, опираясь на преимущества социалистического строя, установить самый высокий в мире жизненный уровень.

Встревоженная семилеткой и недобрыми (для монополистов США) вестями о перевыполнении плана первого года семилетки, Объединенная экономическая комиссия конгресса США решила вновь пересмотреть все аспекты экономического соревнования СССР и США. В результате очередного тура исследований два месяца назад и появился новый документ: «Сравнительный анализ экономики США и Советского Союза»,— подвергшийся публичному обсуждению. Это сборник докладов, подготовленных по поручению комиссии крупнейшими американскими «авторитетами по советским делам». Среди оппонентов мы встречаем старых знакомых, хорошо известных нам профессора Виргинского университета Уоррена Наттера, профессора У. Изона из Принстонского университета и других ученых, представляющих ряд крупнейших университетов страны, а также различные частные и государственные исследовательские организации. Нас не удивил раздраженный тон некоторых заокеанских коллег: полемика есть полемика. Нас удивила поразительная забывчивость наших оппонентов.

Я упомянул имя профессора Наттера. Это, пожалуй, крупнейший в США специалист по проблемам соревнования американской и советской экономики. В канун 1957 года он прочитал на собрании Американской экономической ассоциации доклад, в котором утверждал: «На протяжении всей советской эры советские отрасли промышленности исторически проигрывали соответствующим американским отраслям, то есть разрыв, как правило, увеличивался как по общему объему производства, так и по производству на душу населения».

Прошел год, и Наттер в этой же ассоциации поделился своими сравнительными исчислениями темпов роста промышленности СССР и США. Прежде всего профессор решил взять за основу исследований такой «смешанный» период, как 1913—1955 годы. Так легче строить тенденциозные расчеты, прийти к желаемому выводу: промышленность СССР развивается темпами более низкими, чем американская и даже... русская дореволюционная.

Вот уж поистине с заднего колеса влез на небеса! Теперь и решайте: имеет ли СССР хоть какие-нибудь шансы догнать Америку? Более трезвые американские специалисты в ходе дискуссии отмечали, что исчисления Наттера «не более как статистический результат, мало подходящий для понимания природы советского экономического развития и вовсе лишенный прорицательного значения».

Но вот миновал еще год. И снова Наттер представляет доклад — плод (по утверждению автора) широкого изучения развития советской промышленности, проведенного за последние пять с половиной лет Национальным бюро экономических исследований. Что же мы читаем?

«За одинаковые периоды промышленное производство в Советском Союзе росло в общем быстрее, чем в Соединенных Штатах».

Это о прошлом. А вот о будущем:

«Если посмотреть в ближайшее будущее, скажем, в ближайшие пять лет, представляется довольно несомненным, что промышленность в Советском Союзе будет расти гораздо быстрее, чем в Соединенных Штатах».

Неужели это написано профессором Наттером, тем самым Наттером, который еще совсем недавно ставил под сомнение самую возможность успешного экономического соревнования СССР с США? Думаю, что можно больше и не напоминать Наттеру 1959 года прогнозы и исследования Наттера 1957—1958 годов. Ибо дело в конце концов не в нем. И мы посвятили ему эти строки с единственной целью: подчеркнуть поразительную эволюцию взглядов американских экономистов. Печать этой эволюции лежит на всех материалах последних исследований американских экономических экспертов, выступлениях участников дискуссии. Уже не вспоминаются былые прогнозы: советское отставание продлится «неопределенно долго». Видимо, наши американские коллеги придерживаются правила: чего не воротишь, про то лучше забыть.

Сегодня эксперты американского конгресса явно напуганы стремительным ростом советской экономики и бьют тревогу. Они призывают правительство принять срочные меры, иначе, по их утверждению, экономика США не будет способна противостоять «русскому экономическому вызову». Но при всем том трубадуры капитализма всячески стараются хоть в чем-нибудь, хоть как-нибудь умалить успехи лагеря социализма, ибо успехи эти повышают в глазах миллионов простых людей и без того высокий международный престиж Советского государства. Направление главного удара — время, темпы. Огонь сосредоточен на решающем: сумеет ли СССР в установленные им сроки справиться со своей центральной экономической задачей — догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по производству продукции на душу населения?

Авторы последних исследований по-разному оценивают возможности приближения советской экономики к уровню США: называемые ими сроки лежат в пределах от 10 до 20 лет. Но в хоре трезвых голосов диссонансом и с явной претензией заглушить все прочие прозвучали выступления Аллена Даллеса и губернатора штата Нью-Йорк Нельсона Рокфеллера.

Аллен Даллес хоть и признает, что к 1972 году разрыв в объемах производства обеих стран «в опасной степени сузится» (спасибо и за эту уступку правде), однако считает, что уровень советского промышленного производства все еще будет составлять лишь 60 процентов от уровня США. Нельсон Рокфеллер идет еще дальше, заявляя, что Советскому Союзу, чтобы догнать Соединенные Штаты в экономическом отношении, понадобится «более полувека».

На чем же основаны эти утверждения? На весьма тенденциозных расчетах.

Сроки, о которых идет спор, зависят от двух факторов: исходного соотношения нынешних уровней промышленного производства обеих стран и относительных темпов их промышленного роста в предстоящие годы. Аллен Даллес понимает это и старается доказать, что достигнутый нами уровень промышленного производства все еще составляет не более 40 процентов от уровня США. Как говорится, «у Левки все ловко». Но ведь это фальсифи-

кация. Такое соотношение в уровнях промышленного производства обеих стран существовало пять лет тому назад. И с тех пор благодаря неизменному превосходству в темпах Советский Союз шагнул намного дальше Соединенных Штатов и теперь по выпуску промышленной продукции уступает США менее чем на 50 процентов. Вот цифры, язык которых в споре экономистов самый убедительный.

Соотношение объема промышленного производства СССР и США

Годы	Объем промышленного производства в процентах к 1953 г.		Прирост объема промышленного производства за год (в процентах к предыдущему году)		Объем промышленного производства в СССР в процентах к США
	СССР	США	СССР	США	
1953	100	100	—	—	33
1954	113	93	+ 13,2	— 6,7	40
1955	127	104	+ 12,4	+ 11,2	41
1956	141	107	+ 10,6	+ 2,9	44
1957	155	107	+ 10,0	0	48
1958	170	100	+ 10,0	— 6,3	57

Этот вывод, основанный на данных ЦСУ СССР, подтверждают и расчеты некоторых буржуазных экономистов, таких, как американский профессор Ходжмен, английский профессор Ноув, а также научных сотрудников Мюнхенского института экономических исследований в ФРГ.

Теперь о темпах. Аллен Даллес исходит из того, что в США они впредь будут составлять в среднем 4,5 процента прироста промышленной продукции в год. (Рокфеллер идет дальше: не менее 5 процентов.) Признав, что «за последние 6 или 7 лет они (темпы.— **В. С.**) составляли менее 3 процентов», и не приводя каких-либо доказательств, Даллес делает вывод: США смогут добиться увеличения темпов промышленного роста не менее чем в полтора раза.

Но жизнь опрокидывает такие бездоказательные утверждения. Усилия поднять или хотя бы удержать темпы промышленного развития, неоднократно предпринимавшиеся в США послевоенных лет, не увенчались успехом. Рухнул и расчет экономических экспертов американского конгресса, составивших в 1953 году своеобразный план-прогноз на десятилетие. Согласно этому прогнозу, американское промышленное производство должно было возрасти за пять лет на 20 процентов. Но очередной кризис отбросил в 1958 году американскую экономику на исходный рубеж 1953 года.

Некоторое оживление промышленного производства США в 1959 году отнюдь не является достаточным основанием для добрых надежд на ближайшие годы. Кризисы перепроизводства, которые сводят на нет результаты предшествующего подъема, все более учащаются. Темпы роста промышленного производства падают. Если в первые послевоенные годы они в среднем достигали 4—5 процентов, то теперь значительно меньше. Бывший советник президента США крупный американский экономист Леон Кейзерлинг писал недавно в «Нью-Йорк таймс»: «Наш средний ежегодный прирост в период 1953—1959 годов составляет, видимо, только 2,4 процента (а не 3 процента, как утверждает Даллес. — **В. С.**)... Нет никаких явных признаков того, что средний прирост в следующие шесть лет будет в среднем выше. Многое говорит об обратном...»

Но Даллес и Рокфеллер остаются оптимистами. Они хотят убедить соотечественников, что промышленному первенству США ничто не угрожает. Советские темпы? Но помилуйте, они не более чем в полтора раза превышают американские! Однако и здесь цифры бьют неправду Рокфеллера. Если взять решающую отрасль — промышленное производство,— то на протяжении всего послевоенного периода советские темпы значительно опережали американские.

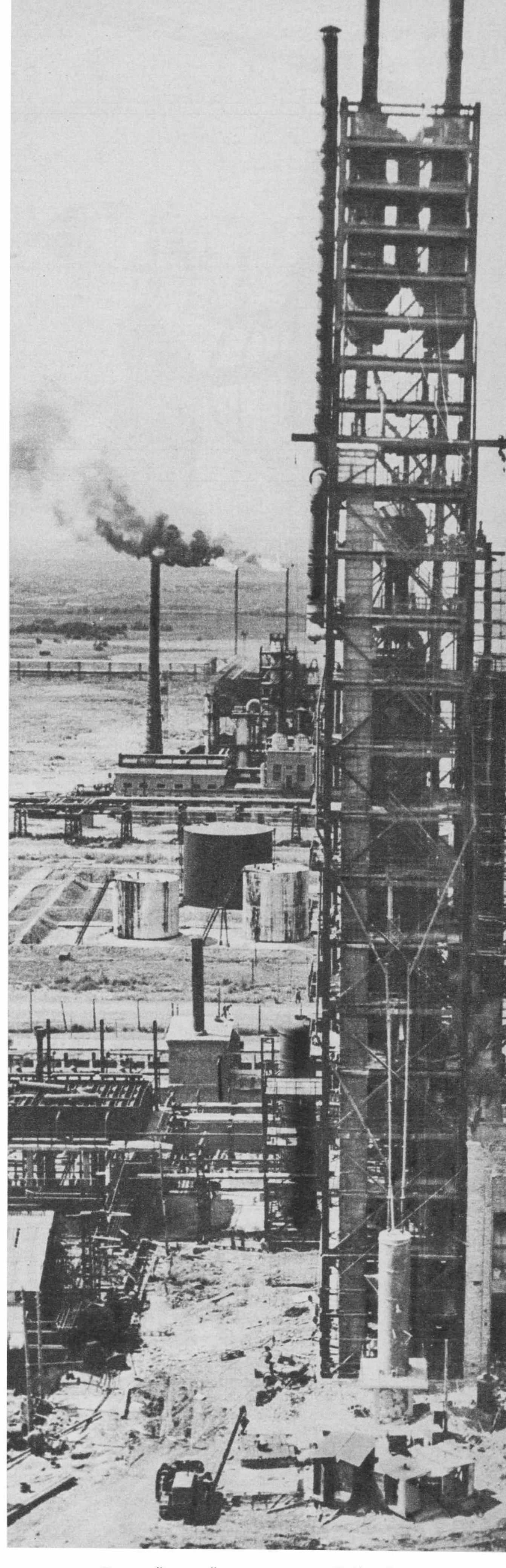
Следует отметить, что наиболее дальновидные буржуазные экономисты не разделяют оптимизма Даллеса и Рокфеллера, не тешат себя иллюзиями.

Выступая в конгрессе, американский экономист Кларк заявил, что, по расчетам Стэнфордского университета в Калифорнии, «если нынешние тенденции не изменятся, советская промышленность догонит американскую промышленность в срок от 13 до 16 лет». Бьет тревогу в своей речи в экономическом клубе и вице-президент университета Буффало доктор Раймонд Юэл: «Промышленный рост Советского Союза в течение 30 лет, с момента начала их первого пятилетнего плана в 1928 году, являл собой картину величайшего промышленного развития, превосходящего развитие любой страны в подобный период времени... Сегодня крупнейшие сталеплавильные предприятия и крупнейшие электростанции мира находятся в Советском Союзе. Советский Союз уже сегодня (в 1958 году.— **В. С.**) превзошел Соединенные Штаты по производству угля, машинного и железнодорожного оборудования, лесоматериалов, железной и алюминиевой руд, никеля, олова, марганца, шерсти, молока, масла и сахара. За 3—4 года они превзойдут нас по производству... цемента, удобрений и некоторых других основных продуктов».

Каковы же наиболее вероятные сроки решения Советским Союзом своей главной экономической задачи? Если исходить из неизменного соотношения численности населения СССР и США, то, учитывая сохранение относительных тенденций экономического развития, можно утверждать, что эта задача будет выполнена к 1970 году, а может быть, и несколько раньше. Именно этот срок и назван был в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде партии. Расчеты показывают, что если в предстоящие годы темпы роста промышленного производства в СССР будут в среднем составлять 8—9 процентов, а в США — не более 2 процентов, то уже в 1965 году объем советского промышленного производства в расчете на душу населения составит 72 процента от уровня США, в 1970 году — 101 и в 1975 году — 138 процентов.

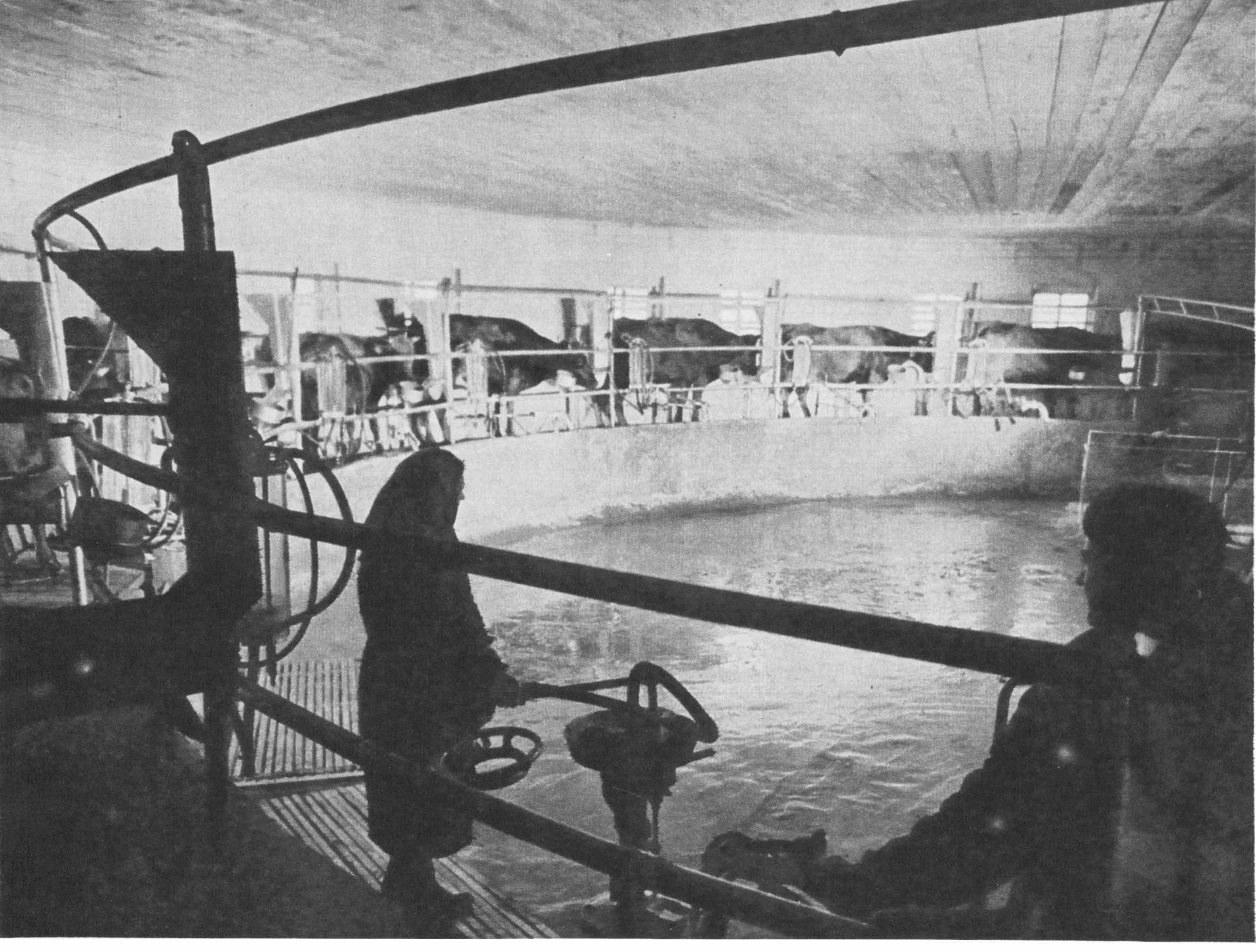
Жизнь может внести поправки в эти расчеты. Ибо ни один статистик не в силах учесть такие факторы, как творческая инициатива, новаторство, бригады коммунистического труда, социалистическое соревнование советских людей, для которых воедино слилось «мое» и «наше», факторы, на которые, конечно, не могут рассчитывать капиталисты. Невозможно представить себе американского рабочего, который приходит к хозяину и говорит: «Переведите меня к парням из соседней бригады, у них плохо идут дела, и я хочу им помочь», так же, как невозможно представить себе собрание рабочих Форда, обсуждающих, что еще можно сделать для автоматизации производства автомобилей. Это все факторы, на которые капитализм в соревновании с социализмом рассчитывать не может. Мы же ощущаем все возрастающую силу этих факторов ежегодно; так было и в минувшем 1959 году, прошедшем под знаком перевыполнения заданий семилетки. И это закономерно. Советские люди знают, что чем быстрее они решат свою главную экономическую задачу, тем быстрее обеспечат самый высокий жизненный уровень в мире.

...Недруги лагеря социализма, конечно, еще не раз будут пытаться принижать наши успехи, клеветать на советский строй. По этому поводу мы не можем не напомнить народную мудрость: не заслонишь солнышко рукавицей, не убьешь молодца небылицей.

Богатый край — советская Сибирь! По богатству недр, их разнообразию и наиболее благоприятному сочетанию нет соперников у Сибири. Бурно и всесторонне будет развиваться в годы семилетки этот важнейший экономический район Советского Союза.

На снимке: на строительстве крекинга Омского нефтеперерабатывающего завода.

Доильный конвейер колхоза имени Сталина, Крымского района, Краснодарского края.

КРУГ СМЕЛОСТИ

В. ТАРАСЕВИЧ

Фото автора.

Научно эта установка называется «Круговой конвейерный доильный зал»; добавляют еще: механизированный. А на ферме, где ее построили, назвали коротко и своеобразно: «Круг смелости».

В шутке колхозников, решивших осуществить замысел ученых, заключен определенный смысл. Он раскрывается, когда знакомишься с этой стройкой. История ее такова.

В станице Киевской на Кубани жил мальчуган Ваня Тесленко. Мать работала дояркой на колхозной ферме, а сын помогал — пастушонком гонял телят. Рассказывают, была у парнишки светлая голова и умелые руки. Подрос—построил в колхозе радиоузел; пришла пора—поступил в вуз. И вот весной нынешнего года вернулся Иван в родной колхоз студентом-дипломником Азово-Черноморского института сельского хозяйства. Он еще не был инженером, но привез с собой новейшие проекты механизации животноводческих ферм. Один из них был разработан сотрудниками института под руководством доцента А. С. Веприцкого.

«Круговой конвейерный доильный зал» был рассчитан на механизированную дойку двухсот коров за один час с участием всего двух человек. По расчетам, такой конвейер, если бы удалось его построить, должен быть в четыре раза производительнее современных доильных залов, систем «тандем» и «елочка».

То ли потому, что слишком невероятными казались теоретические предположения, то ли настойчивости не хватило у авторов этой идеи,— но там, где родилась инициатива, установки никто не построил.

А вот упорство Тесленко передалось его односельчанам, чутье к новому подтолкнуло опытных хозяйственников — правление кубанского колхоза имени Сталина решило: строить!

Заключили договор с институтом. Роль прораба поручили Тесленко.

С тех пор прошло четыре месяца. Было много трудностей и огорчений: споры со скептиками, поиски труб, возня со злополучным «вакуумом»... На субботники колхозники выходили семьями, сварщики превращались в конструкторов...

Фотографии показывают результат: установка построена и опробована. Через каждые 27 секунд на двигающийся круговой конвейер входит корова. Скорость пока меньше проектной: нужно дать животным освоиться. Но главный вопрос решен: коровы идут! Был случай: отключили ток, конвейер остановился. Но животные продолжали двигаться по направляющим коридорам и не желали считаться с капризами техники, прямо-таки ломились к кругу за своей порцией концентрата в кормушках...

До постройки доильного конвейера на ферме тридцать пять доярок обслуживали четыреста коров. А теперь их заменят две работницы. Да и труд их иной. Одна нажимает педаль — и теплый душ обмывает вымя, вторая подключает доильные аппараты. Как только корова полностью выдоена, автомат сам перекроет клапаны и сбросит стаканы с сосков.

Еще не все, правда, отработано, требуются доделки. Но принципиальная схема оказалась правильной. Колхозная ферма стала своеобразной Меккой животноводов: едут из соседних районов председатели колхозов; из дальних областей шлют запросы: можно ли прислать делегацию специалистов? Летят телеграммы...

Председатель колхоза «Память Ильича», Анапского района, Я. Ф. Наталич намерен немедленно начинать строить такой же конвейер у себя. И уже прикидывает: можно упростить, улучшить...

Александр Семенович Веприцкий ходит, считает, записывает замечания людей.

— Если бы заменить принятые у нас трехтактные доильные аппараты быстродействующими двухтактными,—говорит Александр Семенович, — количество станков можно сократить, платформу уменьшить, затраты значительно снизить. Но даже существующая установка при заводском производстве со всей аппаратурой, автоматикой и сборкой может обходиться хозяйствам не дороже семидесяти тысяч рублей. Проходит наша платформа 0,14 метра в секунду. Цикл длится 8,5 минуты. Но скорость можно увеличить и производительность довести до шестисот коров в час.

Мечтает и Тесленко: скоро надеется начать строительство полностью механизированной фермы на полторы тысячи голов.

Ну что ж, этим людям можно верить... Здесь коллектив, творческая мысль, горячая фантазия, хозяйственный расчет и смелость!

Вот почему так метко звучат слова: круг смелости. Да, это круг по-настоящему смелых новаторов, инициативных людей.

Доярки фермы готовятся к работе на конвейере.

Преподаватель Азово-Черноморского института сельского хозяйства доцент А. С. Веприцкий и инженер колхоза И. И. Тесленко.

НА ПОРОГЕ НОВОГО

Пьеса в одном акте, одной картине. Действующие лица — две половинки одного героя

Андре ВЮРМСЕР,
французский писатель

31 декабря 1959 года. Париж...

Декорации, собственно, никакой. Все погружено в полутьму. Виден, впрочем, диван и на нем некто, лежащий в неудобной позе. Но это, в сущности, не один человек, а два, что можно часто обнаружить у людей «западного мира». Назовем одного «О» (Оптимист), другого «П» (Пессимист).

На часах бьет половина двенадцатого ночи.

О. Скоро полночь. С наступающим!

П. С наступающим?.. Представляю себе наши газеты в первый день Нового года: свадьбы принцев и голливудских кинозвезд; банковские скандалы; головокружительные грабежи и убийства; страшные наводнения: ведь и в будущем году не прибавят кредитов, чтобы плотины строили попрочнее...

О. Это верно. Те миллиарды, которые ежедневно уходят на армию в Алжире, не истратишь одновременно на электростанцию!.. Поговорим, однако, о 1960-м. В январе выйдет замуж Соня...

П. Откуда ты знаешь? И какая, собственно, Соня?

О. Да любая! Какая-нибудь Соня обязательно выйдет в январе замуж. А в феврале мы прочтем интересные цифры: итоги первого года советской семилетки. Говорю заранее: план будет выполнен с превышением...

П. Опять цифры! Советский Союз — скучная страна.

О. ...И я думаю, что наши газеты на этот раз расскажут об этих цифрах.

П. А я уверен, что промолчат, как воды в рот набрав. Вспомни, как было с пятилетками!

О. Ну, нет, дружище, все течет, все изменяется! Не те времена. Даже нашим высоким политикам придется разжать губы. Бьюсь об заклад!

П. Как же можно биться об заклад... с самим собой? Хотя верно, времена другие. Ну, значит, одни газеты промолчат, другие тиснут несколько строк где-нибудь в уголке мелким шрифтом.

О. Черта с два! В наши дни даже денежные узы Америки, разглядывая цифры семилетки,

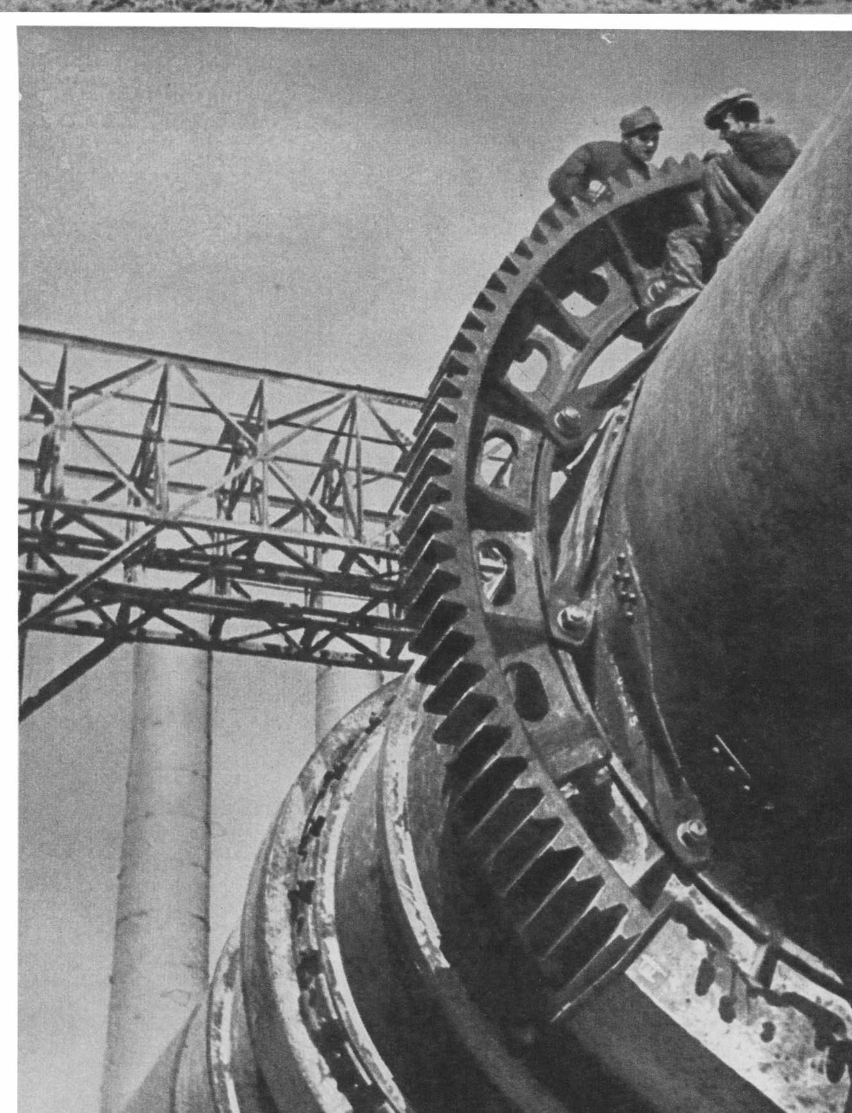

БУДУЩЕЕ НАРОДА

Первое свое десятилетие отметила в минувшем году Китайская Народная Республика. Победы, одержанные Китаем в этом десятилетии, восхищают мир. Еще более значительные победы будут записаны в историю Китая в будущем. Оно прекрасно — это будущее. И принадлежит оно вот этим детям великого народа, которые пока еще увлечены своими ребячьими делами, а со временем пополнят многомиллионные ряды созидателей новой жизни.

Фото агентства Синьхуа.

ЕЩЕ ОДИН!..

Растет индустриальная мощь Польши. Все больше металла, цемента, угля требуется ее промышленности. И вот вступают в строй новые предприятия. Это новый цементный завод.

Фото А. Новосельского (Польша).

заговорили языком матери Наполеона времен империи: «Только бы протянуть еще немного!»

П. А для того, чтобы протянуть, им как раз и невыгодно привлекать внимание простой публики к успехам этих неистовых русских. Помнишь, в первую мировую войну один сатирический еженедельник печатал в каждом номере: «Еще неделя прошла — и на неделю приблизился конец войны»? И каждый раз цензура вычеркивала эту фразу как пораженческую и подрывную. Так и с капиталистами. Они теперь еще пуще станут прибегать к цензорскому карандашу.

О. Не поможет! Русские в 1959-м завоевали все сердца своим планом всеобщего и полного разоружения. Этого не спрячешь за кисейной ширмой светской хроники и финансовых скандалов!

П. А я не совсем уверен, будет ли в 1960-м сделан шаг вперед в этом деле с разоружением...

О. Обязательно будет сделан! Можешь не сомневаться!

П. Сомневаться — это уж моя натура такая. Во всяком случае, в марте я обязательно схвачу насморк.

О. Это почему же?

П. Потому что часа за два приду на аэродром, к прилету в Париж Никиты Хрущева.

О. Ну не беда! Парижан соберется много, толпа тебя согреет. Зато я представляю себе некоторые кислые физиономии: правого депутата, который вносил встревоженный «запрос» насчет этого визита, или журналиста, который писал: «Хрущев будет во Франции... Все-таки, знаете... Может получиться пропаганда в пользу русских...»

П. Чего же они опасаются? Что советский премьер обратит в коммунистическую веру управителей «Банк де Франс»?

О. Нет, конечно. Просто им до смерти не хочется, чтобы он рассказывал о своей стране. Им это не с руки.

П. А о чем же ему рассказывать? Об Аргентине, что ли, или о Португалии?

О. Послушай, у нас, как и в Америке, газеты, радио, телевидение, кинохроника, в общем, в тех же руках. И у нас, как и там, некоторые люди хотели бы одного: чтобы Советский Союз оставался «таинственной» страной, покрытой вечным льдом, с разгуливающими по улицам белыми медведями.

П. Но, надеюсь, о славе Сталинграда, о спутниках и «лунниках» газеты не умолчат?

О. Поездка Хрущева в Америку говорит за себя. Он приехал, и американцы его приняли так, что кое-какой прессе пришлось спрятаться со своими трюками.

П. Да, но московская пропаганда...

О. Разве это «пропаганда» — звать к миру без войн, к спокойной жизни для всех людей на земле?

П. И все-таки это отдает пропагандой!

О. Что именно? То, что нам напоминают о днях, когда мы плечом к плечу сражались против общего врага в двух мировых войнах? О героях, которые пали за общее дело?

П. А не хотят ли русские все это использовать как приманку?

О. Ну, конечно! У тебя все приманки и ловушки. Скажи на милость: что можно сегодня возразить против идеи Хрущева о мирном сосуществовании? В тысячный раз повторить старую жвачку: «Все, что исходит от СССР, есть смертный грех»? Но так говорили еще папы римские: «Вступить в сговор с дьяволом — потерять царство небесное»... Однако у нас готовятся к приему Хрущева. И, надеюсь, прием будет не хуже, чем тот, который был оказан английской королеве. Значит, разговаривать можно, и разговор будет!

П. Ну хорошо! А как же с совещанием на высшем уровне? Состоится оно весной или, скажем, летом?

О. Я надеюсь, что состоится, во всяком случае, в новом году. Нельзя без конца тянуть. Нельзя испытывать терпение сотен миллионов людей, которые хотят мира. Но уж что мы обязательно будем знать к лету,— это итоги первого полугодия второго года семилетки...

П. Я уже сказал, что это скучно.

О. Тебе нужно что-нибудь повеселее? Ну, скажем, в новом году еще несколько ракет поднимется с мыса Канаверал. Куда они по-

ПРАГА ДРЕВНЯЯ И МОЛОДАЯ

Чудесно сочетается архитектурный ансамбль старинной Праги с молодым ритмом жизни пражан. Весело и увлеченно работают, учатся и отдыхают граждане Златой Праги.

Фото Э. Айнхорн (Чехословакия).

ЮНОСТЬ БОЛГАРИИ

Они еще только учатся. Тайны мастерства лишь начинают приоткрываться перед ними. Станут сильными эти руки, научатся создавать счастье себе, своему народу. Все будет по плечу этим ребятам из болгарской школы.

Фото С. Кожухарова.

падут, не знаю. Зато из Советского Союза, возможно, последуют новые визиты на Луну, если не на Марс...

П. Вот здесь мои сомнения, пожалуй, отступают.

О. Что будет еще? Новые волны борьбы за свободу прокатятся по колониальному миру. Новые победы одержат проснувшиеся народы колоний. Война в Алжире станет в 1960 году еще менее популярной, чем в 1959-м. Мир и там, возможно, проложит себе дорогу...

П. Ну, ты известный пророк, и все у тебя к лучшему.

О. А что касается Советского Союза...

П. Опять о Советском Союзе!

О. В Советском Союзе жизнь в новом году забурлит еще сильнее. Будут новые дерзкие начинания. Будут жаркие споры о том, как их лучше провести в жизнь. Будет критика недостатков и новый взлет инициативы масс... Например, будут критиковать рыбные консервы.

П. Почему же... рыбные консервы?

О. А потому, что страна собирается потреблять еще больше свежей рыбы. Сам Хрущев говорил об этом во Владивостоке.

П. Ага, вот видишь!

О. Что видишь? Ты ожидаешь, что, ухватившись за рыбий хвост, я тут же начну ниспровергать советский строй? Нет, я лучше скажу о том, что еще будет в Советском Союзе в новом году. Выйдет много новых книг. Одни будут украшением социалистической эпохи, другие, может быть, будут похуже. Но сам социализм будет все больше становиться украшением всего человечества. У нас во Франции тоже выйдет с десяток книг об СССР. Девять из них отдадут должное достижениям этой страны. Ну, а десятая будет по-прежнему предостерегать западных туристов, едущих в СССР: их-де облепят со всех сторон «шпионы»; их встретят только хмурые физиономии; они убедятся, что советские люди не вправе иметь собственные велосипеды, и прочее в том же роде. Что поделать! Каждый утешается так, как может...

П. Зато у меня есть сердце и...

О. Но в сердце нет мужества признать то, что есть... В декабре будущего года у Сони уже будет ребенок.

П. Опять у Сони! У какой Сони?

О. Какая-нибудь Соня обязательно родит ребенка в декабре. И этому малышу стукнет сорок лет, когда человечество вступит в 2000 год. Он будет рассказывать своему сыну о том, что слышал в детские годы от матери: что в ее время людей еще заставляли напяливать скучную серую или серо-зеленую одежду и учили убивать друг друга. Учили владеть винтовкой, чтобы убивать одного; пулеметом — чтобы уложить десять; атомной бомбой — чтобы уничтожать сразу сотни тысяч. И что была на свете такая порода людей, которые заставляли рабочих работать восемь часов и клали себе в карман то, что рабочий сделал за два или три часа из этих восьми, а сами не работали и жили в роскоши. Сын Сони расскажет своим детям и о том, что были на земле целые страны, где люди одного цвета обогащали своим каторжным трудом людей другого цвета, пришедших к ним издалека и заковавших их в цепи. И внуки Сони скажут: «Может быть, это сказки о стране злых волшебников? Бабушка, наверно, знала много таких сказок?»

П. А знаешь, мне как-то не по себе. Боюсь, наши потомки не очень-то хорошо будут отзываться о нас.

О. О тебе — возможно! А обо мне... Впрочем, ты и я ведь неразлучны. Нет, не бойся приговора потомков. Ведь не краснеем же мы с тобой за наших прапрапредков, которые ходили голыми и поклонялись камням. Человечество прошло через многовековую историю. И самое ценное в ней было то, что люди учились и научились рвать свои цепи. История продолжается, и ее не обратить вспять. И потом, давай не заглядывать в 2001 год. Займемся-ка тем, чтобы людям стало лучше уже в 1960-м.

(Часы бьют полночь.)

П. Ну, что ж, с Новым годом!

О. С Новым годом, Советская страна! С Новым годом, советские люди! С Новым годом, несущим мир всем обитателям земли!

ПЛОДЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДА

По-новому работают вьетнамские крестьяне — вместе, сообща. В этом году больше чем в три раза выросло количество кооперативов на вьетнамской земле.

Замечательные плоды дает коллективный труд!

Фото Дук Нха (ДРВ).

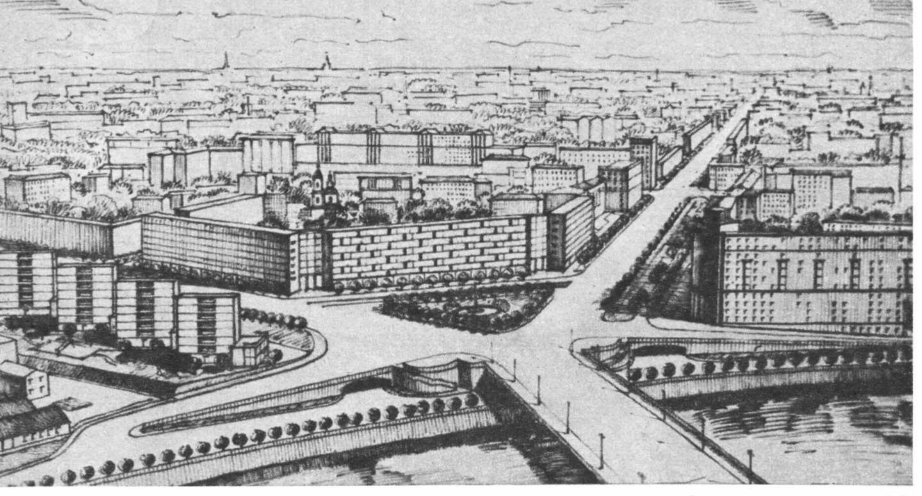

НАЧИНАЕТСЯ ДЕНЬ...

Начинается рабочий день.

Он начинается здесь, где возводятся корпуса нового промышленного предприятия, и повсюду на счастливой румынской земле. Можно сказать, что весь румынский народ на лесах — он строит социализм.

Фото А. Осминкевич (Румыния).

Так будет выглядеть площадь у Ново-Арбатского моста.
Рисунок архитектора А. Зайцева.

Интервью «Огонька»

В. Ф. ПРОМЫСЛОВ,
первый заместитель председателя Исполкома Моссовета

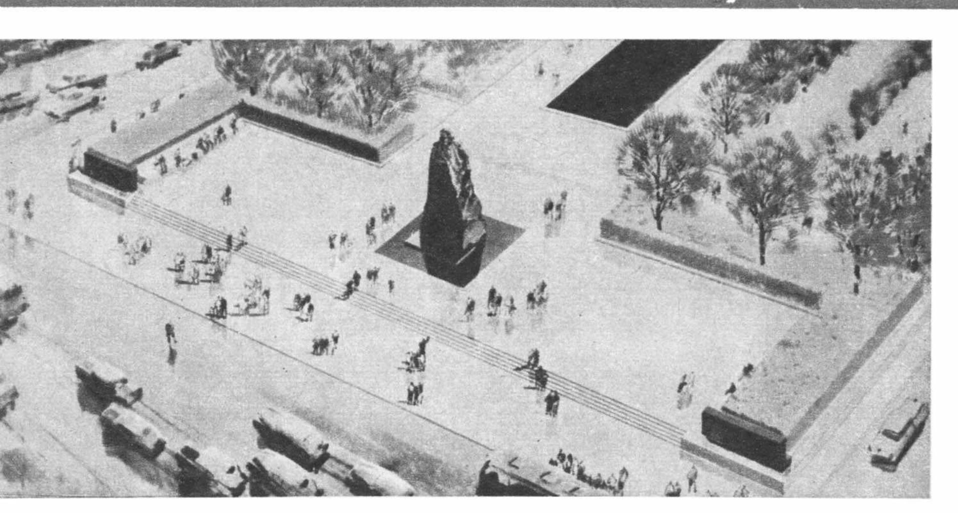
ПУТЕВОДИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ БУДЕТ ИЗДАН

Москвичи гордятся гигантским размахом жилищного строительства в столице. Но то, что достигнуто,— далеко не предел. Три миллиона квадратных метров жилой площади, иначе говоря, девяносто с лишним тысяч хорошо оборудованных односемейных квартир — таков план наступающего года. Московские организации твердо решили сократить сроки ликвидации жилищной нужды, намеченные в известном постановлении партии и правительства. Взятые темпы гарантируют, что для достижения этой благородной цели потребуется не десять — двенадцать лет, а меньше.

Второй год семилетки — это не только небывалые масштабы, но и принципиально иной качественный уровень строительства. Традиционный кирпич как материал для кладки стен с нынешнего года при сооружении новых домов исключается. На смену ему уверенно пришла крупная панель — прокатная, виброкирпичная, керамзитобетонная, наконец, выполненная в кассетных установках. Дом не строится в обычном понимании этого слова, а собирается из заводских деталей. Отсюда и новый термин, уже бытующий среди архитекторов, инженеров, рабочих,—полносборное домостроение.

Повсеместно в практику внедряются поточно-скоростные методы. Строительные узлы и детали доставляются на монтажную площадку, прямо с колес, с автомашины попадают на нужное место.

В столице сейчас около трех тысяч строительных площадок, и их становится все больше. Чтобы осуществить быстрое, четкое и оперативное руководство промышленными предприятиями, изготовляющими комплекты сборных домов, транспортными организациями, доставляющими детали на площадки, и строительными трестами, возводящими дома, будет организован мощный центральный диспетчерский «управляющий центр», располагающий всеми современными типами радиоаппаратуры. В начальной стадии он обеспечит монтаж по часовым графикам одновременно сорока — пятидесяти зданий. А в 1961 году, когда предполагается оснастить его электронной вычислительной машиной, функции

Москва ближайшего будущего. Часть площади Свердлова с памятником Карлу Марксу. Проект.

Перламутровая РАКОВИНА

Повесть

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

1

Было утро, напоенное мягким солнечным светом, обласканное щедрой голубизной, оглушенное восторженными криками кайр... Было утро, какое не часто случается у Командорских островов, неприветливых и туманных. Было утро, как по заказу.

В пыльной дымке, в беспечном мареве проблескивало цинковыми крышами село, загнанное на косогор как бы застывшими, массивно-литыми бурунами прибоя.

Рита стояла на палубе судна, прислонившись к штабелю ящиков с семенной картошкой, и беспокойно вглядывалась в незнакомый ландшафт.

Что она знала об этих берегах? Да почти ничего, кроме того, что еще полтораста лет назад они были необитаемы. Почти ничего, кроме того разве, что здесь нашел последнее пристанище капитан-командор пакетбота «Святой Петр» Витус Беринг.

Да, где-то здесь был выброшен на мель пакетбот — давно, еще в 1741 году, глухой и беспощадной осенью, после изнурительного плавания к берегам Америки. Пакетбот плыл без парусного вооружения, по воле волн, как бревно... Его люди были сломлены и обессилены цингой. Вдруг открывшуюся по курсу землю они приняли за Камчатку. И ошибку свою поняли, уже высадившись на бесприютный каменистый берег. Надо было как-то зимовать.

Между бревен наскоро сработанного жилища тек песок. Он засыпал командору — которого знал Петр Первый и которого ценил за навигаторское умение достославный Джемс Кук,— он засыпал командору нижнюю часть тела. И Витус Беринг не велел отгребать его, утверждая, что так теплее. Он был смертельно болен и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он не ел уже ни кое-как испеченных лепешек, ни кое-как поджаренного мяса морских бобров. Наверно, можно было бы «упромыслить» морскую корову — в то время они еще водились у островов, щипали на подводных пастбищах травку,— их мясо имело нежный вкус... Но командору не хотелось мяса. Он страдал от холода, и песок служил ему последним одеялом и, может, даже защитой от песцов. Он знал, что доживает последние дни, и он действительно вскоре умер.

Все это Рита знала по учебникам географии, по рассказам, прочитанным в детстве.

Она отвернулась.

Невдалеке суматошно бегала с ящичками и баулами женщина в черном плюшевом пальто, с черным галочьим лицом и, как догадывалась Рита, с черной какой-то заботой в душе.

— Упаришься,— сказала женщина, небрежно и чуть презрительно скользнув взглядом по тонкой Ритиной фигурке.

— Уезжаете? — спросила Рита, вежливо поддержав разговор.

— Уезжаю, слава богу! Три годочка, что корова языком слизала.

— Неласковые они... острова?

Черная женщина опять смерила Риту взглядом и с устоявшейся, сосредоточенной ненавистью, как бы даже слегка задыхаясь, отрезала:

— Да пропади они пропадом, эти Командоры!

Рита шатнулась от нее, как от прокаженной. Выручил муж. Он подошел сбоку и бесцеремонно потеснил странную собеседницу к борту.

«управляющего центра» значительно расширятся.

Переход к полносборности сочетается со смелыми опытами, с поисками в различных областях строительства. В ближайшее время начнется сооружение экспериментального квартала № 10 в Новых Черемушках — двадцать пятиэтажных домов разных типов и конструкций. Создав и заселив этот квартал, мы получим возможность наглядно сравнить достоинства и недостатки зданий. Лучшие из них будут приняты к серийному строительству.

На юго-западе столицы через несколько месяцев заложат экспериментальный район, рассчитанный на 4 500 квартир. Он займет территорию в 75 гектаров.

Этот район — своеобразное окно в завтра нашего строительства. Массовое применение найдут полимеры, пенопласты, легкие сплавы, долговечные и огнестойкие материалы. Район в целом и любое здание в отдельности призваны наиболее полно отвечать запросам советских людей.

Заканчивается объявленный Госстроем СССР закрытый конкурс на проектирование района. К соревнованию привлечены многие наши архитектурные мастерские, а также институты стран народной демократии. Такое содружество обогащает конкурс, делает его важным этапом социалистического градостроительства. Советские и зарубежные специалисты не раз побывали на территории, отведенной под экспериментальный район, тщательно изучали местность, ее рельеф и другие особенности. Лучшим проектам обеспечены большие «тиражи» в Москве и в других городах со сходными природно-климатическими условиями.

Наряду с жильем в 1960 году вступают в строй школы, интернаты, детские сады и ясли, больницы и поликлиники, театры и кинотеатры, стадионы и спортивные площадки — другими словами, все, что требуется советскому человеку в его повседневном быту. Одна из главных строек начинающегося года — Зал конгрессов в Кремле, вмещающий 6 тысяч человек.

Представьте себе путеводитель по Москве издания 196... года. Как много в нем нового, сегодня существующего только на ватмане и кальке!

Триста магистралей, площадей, улиц прибавилось в Москве. Ново-Кировский проспект, Новый Арбат, «Западный луч» дали возможность разгрузить перенапряженные артерии города. В жилых массивах, чьи названия несколько лет назад были малоизвестны даже всезнающим московским письмоносцам, поселились сотни тысяч трудящихся. Мазилово, Мневники, Кузьминки, Северное Измайлово превратились в сложившиеся районы, связанные с центром линиями метро (их проложено за семилетку 55 километров), автобуса, троллейбуса.

Что касается Юго-Запада, то слова «новый район» и вовсе к нему не подходят. В сорока его полностью завершенных кварталах, в роскошном, раскинувшемся на 400 гектарах парке как бы олицетворена вся сила советской строительной индустрии, поставленной на службу народу.

Сколько замечательных сооружений возникло на Ленинских горах! Среди них великолепный Дворец пионеров, ансамбль административных зданий. Белокаменный университет, чье десятилетнее пребывание на Юго-Западе было отмечено в 1963 году, соседствует с громадной строительной площадкой Дворца Советов. 1958—1960 годы ознаменовались конкурсами на лучший проект Дворца, жаркими дискуссиями, выставками проектных предложений. На самой бровке Ленинских гор гордо вознеслась величественная скульптура, запечатлевшая бессмертный образ основоположника Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина.

Перелистаем путеводитель. Что ни глава, то приятный сюрприз для москвича и гостя столицы. Читаем: «Башня Большого Московского телевизионного центра. Высота — 500 метров. Адрес: Останкинский парк. Воздвигнута в 1960—62 гг.».

Раскроем главу «Зрелища». Узнаем из нее об изменениях в театральной «географии»: сдано в эксплуатацию здание музыкального театра на Тверском бульваре, а Центральный театр кукол перебрался в отличное, просторное помещение на Садовой.

Перевернем наугад несколько страниц. В списке гостиниц на первом месте величайший в Европе многоэтажный отель, построенный неподалеку от Кремля на месте снесенных домишек Зарядья. Тысячи номеров, концертный и выставочный залы. Специальный вертолет доставляет пассажиров из отеля на аэродромы. Кстати, вертолеты прочно вошли в систему городского транспорта. Одна из стоянок нашла пристанище на Манежной площади.

Привлекает внимание глава путеводителя «Отдых населения». Лаконичный текст напоминает о большой работе, выполненной начиная с 1960 года столичными организациями по предложению товарища Н. С. Хрущева. Никита Сергеевич предложил создать группу подмосковных курортных зон с гостиницами-пансионатами, где можно снять комнату на время отпуска, куда можно приехать с семьей. Мы находим в путеводителе расписание поездов, ежедневно отправляющихся на берега Истринского и Клязьминского водохранилищ, Московского моря. Мы видим список однодневных домов отдыха, построенных в старинном Серебряном бору. А вот и адреса районных залов танцев, где по вечерам собирается молодежь, чтобы повеселиться, потанцевать...

Не одну страницу путеводителя занимает перечень спортивных учреждений. «Семья» их за минувшие годы разрослась. Стадион «Спартак» в Сокольниках успел уже завоевать известность далеко за пределами Москвы. Под крышей стадиона «Динамо» идут зимние футбольные матчи.

...Путеводитель, о котором я рассказывал, как вы сами понимаете, не издан. Но его обязательно выпустят! Ведь все, что задумано советскими людьми, что принято в наших планах, будет реализовано в назначенные сроки.

Москва конца семилетия — это город, очищенный от бараков и ветхих строений, еще более выпрямившийся и помолодевший, с многократно обогащенным зеленым нарядом, город, в котором ярко проступают черты коммунистического быта.

— Осторожно, гражданка, здесь вас стрелой может задеть.— Подумав, он сказал, не оборачиваясь: — А демагогию вы здесь зря затеяли. Уезжаете — скатертью дорога! Никто не держит. Других только не сбивайте.— И Рите: — Что ж, пойдем, Риток, я сведу тебя в кунгас. Барахло уже там.

Рита уцепилась за мужнину телогрейку — и сразу отошли, остались позади с черной женщиной раздумья и печали, нерешительность и грусть. Чего уж тут? Вот он, остров Беринга... Стоило ехать за тринадцать тысяч верст, чтобы сейчас в чем-то сомневаться?! Да и можно ли сомневаться в такое прелестное утро, когда все, куда ни глянь, розовое, когда все, куда ни глянь, голубое?! И когда рядом Петр, Петр Васильевич, и. о. директора здешнего зверокомбината, ее муж...

Десятки рук протянулись к ней с заваленного для прочности камнями и железным ломом деревянного пирса. Поплыли по рукам ее чемоданы. Кто-то крикнул Петру Васильевичу стыдноватые слова (Рита покраснела), кто-то поздравил его с прибытием законной супруги. Звучно за спиной целовались и шмыгали от волнения носами. Было торжественно-шумно и беспокойно-легко.

Она шла за мужем с бессмысленной улыбкой на губах, щурилась от яркого солнца (пожалела, что не захватила солнцезащитных очков), шла и молчала. Мужу было не до нее. Мужа буквально осаждали у каждого склада, у каждой мастерской или кормокухни. И у каждого склада, на каждом углу муж опускал Ритины чемоданы в дорожную пыль и либо обстоятельно, либо коротко, одной фразой, разрешал споры, устранял недоразумения...

Рита стояла, переминаясь с ноги на ногу, опасливо осматривала выходы базальтов из-под свисающих беретов болотистого грунта и прислушивалась краем уха к разговору о каких-то бочках, необходимых для засолки шкур.

— Нет бочек. Не завезли этим рейсом,— отвечал Петр Васильевич алеуту-зверобою.— А потом, неужели эти самые бочки нельзя достать на месте? Организовать школьников, пусть они пошуруют здесь, по берегу, по прибою. Сколько их океан выбрасывает! —

ВОТ ОНА, АФРИКА 1959-го... Тысячи женщин из «черного гетто» города Дурбан в Южно-Африканском Союзе вышли протестовать против расовой дискриминации, бесчеловечных полицейских «правил», колючей проволокой опутавших африканцев — исконных жителей страны. Как водится, полиция трусливо напала на демонстрацию с тыла. Но она была встречена градом камней.

Дубинки и пули колонизаторов еще неистовствуют на Черном континенте. Но это уже Африка эпохи крушения колониализма. Миллионы африканцев встречают Новый год в борьбе, окрыленные надеждой на свободу и человеческое счастье.

Фото Ассошиэйтед Пресс.

Наконец он не вытерпел: — Да можете вы обождать, пока я приду в контору? Дайте хоть жену-то довести до дому!

— Ничего. Мне не к спеху. Я обожду,— нерешительно сказала Рита, отступая за его спину: уж слишком откровенно на нее глазели, особенно после столь категорического, не оставляющего повода для кривотолков заявления молодого директора.

Зоотехник Свиридов (временно исполняющий обязанности директора зверокомбината) занимал половину деревянного домика: комната, кухня, кладовая. Вид квартирка имела нормальный, обжитой, вполне «материковский».

Рита медленно стянула шуршащий крепдешиновый плащ, бросила его на спинку стула и медленно, гибко потянулась горячими руками к обветренной шее мужа.

— Ты хороший, зоотехник Свиридов,— прошептала она, покойно положив светловолосую голову под мужниным подбородком, на грубо выпиравших ключицах.— Ты не знаешь, какой ты хороший. Я тебя люблю...

Он бережно накрутил на палец золотистый Ритин локон, пощекотавший ей висок. А она благодарно проследила взглядом за этим шершавым смешным пальцем. Странно, что она так любит зоотехника Свиридова. Странно, что ей так мил его бестолковый палец.

— Ты знаешь, меня напугала та тетка на пароходе. Она сказала про Командоры, будто выругалась. Меня передернуло даже. Столько у ней злобы!

— Не обращай внимания,— посоветовал Петр, высвобождая палец из локона.— Мало что тебе скажут! У тебя есть глаза — смотри. У тебя есть голова — сделай милость, думай. А та женщина... Не знаю, чем ей острова не угодили. Образ жизни она вела довольно легкомысленный. Мужчин здесь холостых невпроворот. А кроме того, законный муж... Неужели масштабы не устраивали? — Он невесело усмехнулся.— Да что о ней!.. Ну ее к черту! Ты знаешь, вот тут у тебя... от виска и во всю щеку родинки... Они напоминают созвездие, Большую Медведицу. Тебе не говорил...

Петр запнулся. Женщина вздрогнула и крепче к нему прижалась.

— Не надо о нем. Не вспоминай. Неужели тебе это доставляет удовольствие?

Петр осторожно подвинул ей табуретку.

— Извини, пожалуйста. Иногда я сболтну что-нибудь, не подумав. Ты садись.

Она присела и перевела разговор на другое:

— А есть у тебя хозяйство? Ну, кастрюльки там, ложки?..

— Кастрюльку найдем. А вот вторую ложку придется у кого-то просить. Иной раз нас забывают снабжать подобной мелочью. Да ты не беспокойся. Пообедаем и поужинаем мы у соседей — вот, через стенку. Там Быстрецов обитает, старший зоотехник. Жена у него добрая и домовитая. Они уже в курсе, я сказал, что нагрянем всем семейством... А пока ты отдохни с дороги. Если хочешь, прогуляйся вдоль гавани. Денек сегодня такой, что грешно сидеть взаперти. В самом деле! А я вернусь только к обеду. Что поделаешь: и. о.! Забот полон рот.

Рита засмеялась.

— Ну, ну, иди, и. о.!

Оставшись одна, Рита вняла доброму совету и решила пройтись по берегу. Так заманчиво выглядела накатывавшаяся из бесконечного океанского рулона зелено-голубая, с пышной бахромой пены водная скатерть!

Океан был добродушен и нежен в эти минуты. Береговую его кромку венчали коричневые, желтые и мутно-зеленые водоросли.

Рита представила, как, должно быть, непроходимо растут они на дне, цепляясь за осклизлую поверхность рифов, за обызвестковавшие-

КТО ЭТИ ЛЮДИ! Чего они ищут на дорогах Лаоса? Это незаконно созданная «комиссия ООН», получившая наказ во что бы то ни стало найти «доказательства агрессии» со стороны Демократической Республики Вьетнам. «Комиссия» вернулась восвояси с пустыми руками. На сессии ООН организаторам этой провокации пришлось расписаться в провале их затей.

Фото журнала «Фрайе Вельт» (ГДР).

«С 1948-го И... ДОКОЛЕ!» — так написано карандашом на обороте этой фотографии, сделанной западноберлинским репортером. Фотообъектив запечатлел район развалин так называемых «вексельштубе» (временных жилищ) в Западном Берлине, о которых давно забыл «отец города» — пресловутый обер-бургомистр Вилли Брандт. «Мы отгорожены от человеческого существования вот такими «БРАНДТмауэрами» (брандмауэр — пожарная стена)», — горько шутят жильцы этих трущоб.

Фото Ретина (Западный Берлин).

ся колонии раковин. Еле-еле колышутся они в тихой, томительной и страшной глубине. Джунгли! Но в джунглях есть хоть солнце...

Прозрачной пленкой растекалась по песку вода, и откатывала назад, и сумасшедше кружилась в разверстых белых раковинах. А чуть повыше, куда еще не достигал прибой, мерцала, как янтарь, среди разной шелухи выброшенная волнами загустевшая икра. Похрустывали дырчатые, как гипюр, жестяно твердые листья. Гладкий, утрамбованный накатами песок был расшит жемчужными строчками соли, конвульсивными, как нервный излом сейсмограммы. Строчки определяли границы постепенно спадающего к утру отлива...

Усталая от ходьбы и множества впечатлений, Рита присела на деревянную бочку. О них, что ли, говорил Петр? Но попадались они не часто, не сплошь... Зато десятки бочек железных, схваченных обручами анкерков, обглоданных водой кунгасных скелетов, причудливо изогнутых корневищ, медных полос корабельной обшивки устилали берег, сколько хватал глаз, и свидетельствовали о нешуточной силе стихии, что губила суда и людей, что крушила иногда и острова...

— Как это огромно,— пробормотала Рита,— и неизъяснимо! И неуютно...

Она побрела к селу стороной, закоулками, так, чтобы меньше встречались люди, потому что видеть сейчас хотела бы одного только Петра. Один он ей был нужен, один он мог отогреть ее, мгновенно нахолодавшую на этом сквозном океанском ветру.

Соседка угощала гостей крабовым супом. По желанию крабы можно было есть и в качестве второго. Они были сладкими, хотя их вываривали в океанской воде. Этим сладким, немного приторным духом пропиталась вся комнатушка соседей. И руки хозяйки — полные, розовые — тоже пахли сладко, и вся она — сытая, плотная, теплая — светилась добротой и всеприятием.

Поскольку мужчины занялись служебным разговором, соседка — ее звали Инной Андреевной — поведала Рите о том, что на Командорах жить можно, если приспособиться, и питание можно наладить калорийное, поскольку, судите сами, дичи вволю, особенно уток, рыбы тоже вволю, а в тундре ягоды, что крупы...

— А грибы! — Инна Андреевна понизила голос до шепота.— Наваждение какое-то, а не грибы! Настоящие белые, один в один, и совершеннейшим образом без червей. Да что там, вот увидите сами: без малейшей червоточины, Риточка! На материке вы такую прелесть отродясь не встречали.

Рита не встречала.

— Ну, то-то же. Вот еще пойдет вскорости щавель. Свежие борщи будем варить.

— Неужели есть и щавель? — впервые усомнилась Рита.

— Ну, милочка, щавель тут, что те лопухи. Правда, кислоты в нем маловато.

Рита мяла хлебный шарик и углубленно исследовала затем дактилоскопический рисунок пальцев. Что ж, придется привыкнуть к щавелю без кислоты, к нечервивым грибам, к бруснике вместо винограда. Ну, грибы — положим, это здорово, да и крабовый суп — объедение... И где еще на материке найдешь вон тот хвостовой позвонок кашалота, используемый хозяйкой вместо подставки под сковородки и кастрюли. Экзотика! Если говорить правду, штука вроде того позвонка могла сказать впечатлительной натуре Риты больше, чем любой отвлеченный разговор о командорских благах.

Вечерами, кое-как для начала занавесив окна привезенными с собой простынками, Рита читала Дос Пассоса. Это был нашумевший в свое время роман «42-я параллель», разысканный ею в недрах местной библиотеки.

Она читала его и день и два, пока книга не подвернулась под руку Петру.

— Ты разве не слышал? Он из этих... из писателей потерянного поколения.— Рита рассеянно полистала остаток страничек.— Правда, он будто бы отошел сейчас от первоначальных позиций, поправел.

У Петра почти не случалось свободного времени, но и он заинтересовался Дос Пассосом.

Но книга ему явно не далась. Раздражала композиция, какая-то раздерганная, при которой удобочитаемый художественный текст перемежался неудобочитаемой газетной хроникой, рекламой и репортажем. Непонятным казалось, ради чего это сделано.

А Рите нравился Дос Пассос. Ритины вкусы были во многом отличными от вкусов Петра.

Она жила в селе уже с полмесяца. Петр мало ее видел, разве только вечерами. Толком они не поговорили ни о настоящем, ни о будущем. Кто знает, следовало ли специально затевать такой разговор! Он рад Ритиному приезду; да он просто не смог бы без нее... Никогда прежде его жизнь не была такой наполненной. Не потому, что произошли важные события, часы и минуты переполнились любопыт-

Романтическая поэма

Время

Василий КУЛЕМИН

1

Н а языке радости обыкновенной
Песнь сотку́.
Мы радуемся и Вселенной
И цветку.

Мудрость, восторг, усталость —
Все на чашу весов!
Любимая, осталось
Сорок часов.

Сорок часов до отлета
В звездную высь.
Будь моей песни оплотом.
Зову тебя! Отзовись!

2

Можно дышать пылью,
А можно озоном дышать.
Мне дала крылья
Твоя душа!

Я очень высо́ко несу тебя,
С юности не отпылав,
Ведь наши простые судьбы —
Особый сплав.

И когда ты идешь по городу
На каблучках своих,
Как мне дышится гордо —
За двоих!

Я с каждым часом раскованней:
Светит волос твоих прядь...
Человек не бывает рискованным,
Когда нечего ему терять.

А мы живем просто:
С пылу рождается новь.
Может, поэтому к звездам
Несем земную любовь.

Любимая, во Вселенной
Не было еще красоты —
Обычной и необыкновенной,
Такой, как ты!

3

Уже грядет кто-то
За нами вслед.
Нынче время полета
Мыслей,
чувств
и ракет!

Старых пределов нету,
Нам приносить дары
На иные планеты,
К сердцу,
в иные миры!

Нашей отваги мера
Снова сложна.
Но больше всего вера
Сегодня нужна!

Верю, отваги сто́ят
Пламенные слова.
Ленинской чистотою
Вера моя жива.

Всякий день, как на старте я,
Сердцем не устаю.
Верю, товарищ Партия,
В нежность твою!

Знаем, шагать к кому нам,—
Выбор наш чист и прост.
Видится зданье Коммуны
С куполом из звезд!

4

России крылатые кони
В сказку уносят меня.
Небесные колокольни
В ушах звенят.

Пунктиром дорога светится,
Она не страшна.
Даже Большая Медведица
Чем-то поражена.

Рук и ума творенье
Достигнет высот.
Огненное оперенье
К звездам меня понесет.

Где грань — волшебство или
явь неземная?
Ракета взревела, слегка
запинаясь.

Волненье, порыв, напряженье,
горенье,
Нацелена мысль, обостряется
зренье...

Но чувств обветшалых
бренность —
Сонм чертиков злых;
Черствость, вражда, ревность
К земле потянули на миг,

И все мгновенно пропало,
И сердце куда-то упало...

...Лишь мягкий профиль в окне.

5

Иные тона и контуры
Земля обрела,
Смешались Волги и Одеры —
Сиреневая мгла.

Смешались леса и пажити,
Озера, моря:
То вдруг малахитом кажутся,
То вовсе из янтаря.

И только здесь, в невесомости,
На мысли себя ловлю,
Что до крупицы совести
Землю люблю.

Согласен быть даже тенью
И ни о чем не жалеть.

Трудно земли тяготенье
Сердцу преодолеть.

Ее на войне сражали,
Но не могли сразить.
Потом ее заражали,
Но не могли заразить.

Опустошали людей ее,
И это не вышло опять.
Людей не лишить идеи,
Как небо у птиц не отнять.

По склонам крутым, по рыжим
Взбегает зеленый сад.
Любуюсь Москвой и Парижем,
Боготворю Ленинград!

ными подробностями, а бессонные ночи привели к серьезным, победным решениям. Нет, эта наполненность объяснялась проще: Рита была с ним. Он мог встретиться с ней в любой миг, когда бы только захотел. Он слышал ее голос, его жгли поцелуи жены, и даже милая Ритина болтовня воспринималась им как откровение.

Но, рассуждая трезво, он понимал, что Рите некуда девать время. Забот у нее было, что называется, не густо. Ну, накормить мужа да разве умилостивить кота Мурзилку, который — вот стервец! — принципиально потреблял одних только крабов и, разумеется, мышей не ловил (а мышей на остров завезли, согласно ученым книгам, вместе с мукой в тысяча восемьсот каком-то году, и ловить их надо было). Правда, основательно выматывала Риту стирка, и Петр заметил, что она относится к этой статье женских обязанностей без особливого радения.

Как-то она сказала, смахнув со лба влажно повисшую прядку:

— Черт знает что! Выглянуло солнце, затеяла я стирку — и опять эта морось!

За окном тоскливо нависли размазанные тучи.

— М-да...— сказал Петр.— Эта штука называется розой ветров. Только что ветер дул оттуда, было ясно, хлоп — вот он уже повернул!

Он сел к столу, развернул желтую от давности газету. Не читалось. Все эти не новые уже новости он зачитал насквозь, до дыр.

— Встретил я сегодня Пастухову, заведующую клубом...

— Да?..

— Она просит, чтобы ты помогла ей организовать кружок художественной самодеятельности. И вообще, чтобы заходила в клуб. Там они затевают, кажется, бал цветов.

— Цветов? Какие же здесь цветы?

— Вот уж не знаю. Бумажные, должно быть.

Рита отжала шерстяной свитер и, подстелив бумагу, положила его на пол. Подошла к окну, проследила за солнечным лучом, скользнувшим в зыбкий провал между тучами. Но вот одинокий луч увяз в мглистых наплывах тумана.

У нее зябко шевельнулись лопатки.

— Хорошо. Я схожу в клуб. Как раз у меня тут лоскутки разные поднакопились, фольга от шоколада. Буду мастерить настурции, гладиолусы, канны... Какие ты еще знаешь цветы?

— Ритины глазки.

— Анютины глазки, дуралей.

— Раз есть анютины, должны быть и ритины. Кстати, это мои любимые.

— Ах, вон как! А мои любимые — львиный зев.

Он машинально потрогал подбородок, коснулся губ.

— Какой же у меня львиный зев?

И оба в голос, безудержно захохотали. Рита еле вымолвила сквозь смех:

— Вот глупые! Какой-то дурацкий флирт затеяли. Да ну тебя!

От ее хандры не осталось и следа. «Она по натуре веселая,— умиротворенно подумал Петр.— И нельзя допускать, чтобы у нее падало настроение».

Он утвердился в этой мысли и старался не спорить с Ритой даже тогда, когда поспорить было не грех.

Однажды Рите принесли из алеутской семьи аляповатое трюмо американской выделки (времен концессий).

Амальгама шелушилась, как кипятком ошпаренная, и свисала желто-серебристыми лоскутьями. Но ценность зеркала определялась как раз не поддавшейся разрушительному действию времени амальгамой, а устоявшей перед временем дубовой рамой с резными амурами, распростершими, как опахала, кроткие крылья.

— Ты недоволен? — настороженно спросила Рита у мужа.

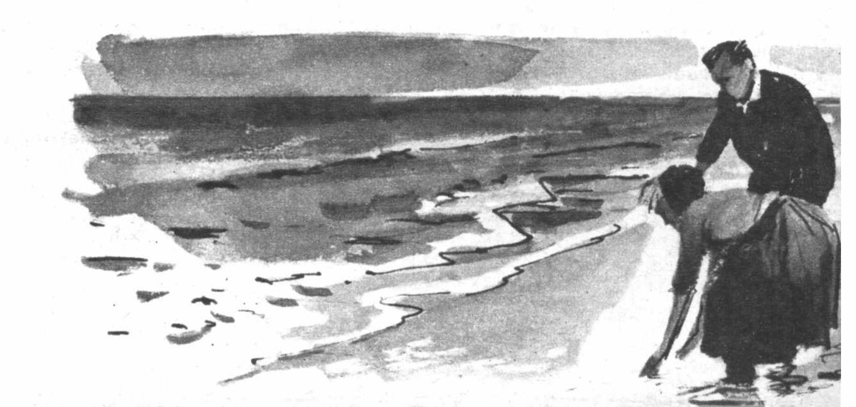
— Доволен,— стараясь скрыть досаду, ответил Петр.— Разве же ты не видишь, что я доволен?

— Я понимаю, что это не блеск,— понурясь, проговорила Рита.— Особенно зеркало. Но в магазине можно купить только карманное!

— Боюсь, что эта рама, хотя она и под лаком, тоже не блеск,— уже весело, успокоительно заметил Петр.— Ну да шут с ней, раз тебе нужно смотреться.

В конце концов желание Риты обставить комнату, насколько это возможно на острове Беринга, где нет и никогда не будет мебельной фабрики, попытки создать относительный уют были только приятны Петру, что бы там он ни говорил.

Наступил июнь, и первые дни этого месяца были по-своему примечательны на Командорах. Вечерами население от мала до велика собиралось в гавани ловить уйка. Уек — так по-местному называлась шустрая рыбка мойва, в сумерках выплескивавшаяся вместе с волной для нереста. Ловили ее в полосе прибоя, кто сачком, кто чем мог, но не

Люблю Апеннинские горы
И Севастопольский рейд...

Встреча будет не скоро...
Милая, сердце согрей!

6

Никогда не видал,
Как рождаются грозы.
Никогда не слыхал
Такой тишины.

Никогда не встречал
Подобной луны —
Фиолетовая
С розовым...

полета

Здесь, ты знаешь,
Совсем не такие зори:
Во-первых, много их,
И каждая ярче земной.

Как жаль, что нет тебя
Рядом со мной —
Лишь профиль твой
И любовь, как море.

Удивительно,
Я теперь никому не завидую,
Весь открыт
Для слов, для улыбок и чувств.

Другу
Ножку подставить уже не хочу.
Равнодушно смотрю
На льстеца знаменитого.

Как мне странно,
Что всем этим я обладал!
Тот же я,
Но уже отошедший от прошлого.

Где оставил я
Все непотребное, пошлое?..
Может, в безднах небесных
Я ангелом стал?!

Нет, не ангелом неба —
Земным человеком,
Вставшим вровень
С великим и радостным веком,

Нет, не с атомным веком,
Не с веком чугунным —
С Человеческим веком
Всемирной Коммуны!

7

Явь или нѐбыль?
Земные повеяли ветры
Здесь, в ракете.
Кругом лишь полет и лазурь.

Что там? Техники чудо?
Здесь ветер Ай-Петри!
Впрочем, может быть, это
Рождение бурь?

Ветер самый земной,
Молодой, не сутулый...
Вижу, слышу его.
Но встают предо мной

Сорок тихих дворов
У дороги под Тулой.

Детство. Пыль. Зеленя.
Дождь прошел стороной...

Незабудки
За хрупкие держатся руки:
Так им легче
Под ветром стоять низовым.

Сказки ветра, зимы —
Незнакомой старухи
С надоедливым голосом
Носовым.

Она ходит,
Скрипит все по снежному насту,
В ночь и в полночь
Заглянет в любой закутòк...

Кто ж я был —
Мальчик из Берендеева царства
Или просто живой
Мужичок с ноготок?

Ветер, ветер кидает мне
Воспоминанья.
Лес. Свечение лунное.
Храмы полян.

Ходят лошади.
Августовскою ранью
Пробегают дымки
По гривастым полям.

Вот тогда я впервые
Облетывал небо —
Пусть в мечтах еще,
Пусть среди будничных дел...

Даже больше скажу:
Если б в детстве там не был,
То сейчас и подавно бы
Не долетел.

Ветер, ветер земной...
Дорогая, ты слышишь?
Мы опять с тобой дышим
Дыханьем одним.

Ты, возможно, сейчас вот
Настроила лыжи,
Вышла в за́меть —
С сиянием ледяным.

И пошла и пошла,
Меж деревьев теряясь.
Только шарф на ветру
Затрепещет чуть-чуть.

Удивительно:
Я от тебя отдаляюсь,
А мне кажется,
Вечно к тебе лишь лечу!

8

Ничего не случилось,
Снова тишь и рассвет.
Это небо лучилось
От сгоревших комет.

Нам не быть простаками,
Перед нами подъем.
Мы своими руками
Высоту создаем.

Может, маленький кто-то
Не поймет до конца,
Что трамплины к высотам —
Это наши сердца.

Может, маленький кто-то
До конца не поймет,
Что обязан высотам
Нашей мысли полет.

Может, маленький кто-то
Не поймет, что сейчас
Продолженье полета,
Старт свершился до нас...

В самом дальнем дозоре
Мы разведчики тут.
Марсианские зори
Кораблями плывут!

менее успешно можно было справляться с ней руками. При известной, конечно, сноровке...

Рита не раз уже слышала о предстоящем необременительном, веселом лове маленькой рыбки. Она предвкушала удовольствие, какое получит от суматошных вечеров, проведенных на берегу в обществе мальчишек, подростков, разбитных женщин. И, разумеется, она была на берегу буквально по первому сигналу: «Уек пошел!»,— брошенному кем-то. И, разумеется, она вытащила на потешный лов даже Петра. Но Петр и сам не прочь был поразвлечься, поразмять мускулы.

Он стоял в тени кунгасного борта и жужжал динамкой фонарика. Робкий луч света скользил над коварной волной, которая могла улизнуть, обнажив оплывающий песок, но могла и хлынуть выше голенищ.

Сумерки обесцвечивали воду, лишали ее игривого блеска. Черными, едва различимыми молниями металась в ней рыба. Зигзаг — и она почти на песке, зигзаг — и ее нет, ушла на глубину.

Всякий раз Петр рефлексивно дергался на серебристое свечение уйка и потерянно шарил ладонью по дну: уек, что называется, смывался... Петру недоставало быстроты реакции, меткости. Рукава у него до плеч были мокры.

Ведра быстро наполнялись фосфоресцирующей рыбой — их будто заливали живым серебром. Над берегом висел, не опадая, возбужденный гомон.

Рита вся чудесно преобразилась; азарт охоты зажег ее глаза опасным блеском. Она хватала уйков удивительно забористо, будто клевала с лету. Ее пальцы смыкались в воде цепко.

Она осмотрела свое ведро, за какой-то час наполнившееся доверху, и, удовлетворенно смеясь, отошла от кунгаса.

— Куда нам такая уйма! Нет, но ты видел, как я их хватала? Раз — два — и ваших нет! Петя, Петя! — вдруг позвала она шепотом и поднесла к его лицу зажатую рыбку.— Ты только понюхай, как пахнет. Огурцом пахнет. Здорово, а? Почему она пахнет огурцом, а? И, знаешь, таким свежим, будто только с грядки...

— Не знаю, не знаю,— тоже шепотом проговорил Петр и поцеловал ее горько-соленое запястье.

2

На Командоры Петр приехал работать в качестве зоотехника. Там, на материке, при оформлении договора ему сказали, что преимущественно он будет иметь дело с котиковым стадом, будет заниматься едва ли не чистой научной работой. Такой зверь, как котик, мог соблазнить любого зоотехника, тем более молодого. Петру просто выпала счастливая карта! Он согласился без колебаний.

Но тут, на месте, обнаружилось, что промысел котика и вообще наблюдение за жизнью стада — занятие сезонное и не требует таких забот и ухода, как клеточный песец. По крайности, котики не попросят у человека какой-никакой еды, не пожалуются на пробирающий до костей дождь, и уж тем более миграция в океане — их сугубо внутреннее дело. А могучий инстинкт продолжения рода так или иначе приводит котиков каждую весну назад, на веками облюбованное, с в о е лежбище.

Клеточное же песцовое хозяйство, пришедшее на смену вольному островному, через какое-то время потребовало притока свежих сил. Нередки были случаи кровосмешения. Следовало завозить производителей из других совхозов, что оказалось делом хлопотливым, связанным с транспортировкой, присмотром в дороге, накладными расходами.

Но главное — корма. И тут Петру, как временно исполнявшему обязанности директора, приходилось-таки крепко шевелить мозгами. Беды донимали одна за другой. Вдруг вспыхивал авитаминоз или цинга. И взрослые песцы и бедные щенки ходили с красными, распухшими лапами. В пище недоставало витаминов. Капусточки бы свежей! Травку бы какую знать... Думай, директор! И помощников думать заставляй и весь коллектив зверофермы.

Ищи что-нибудь взамен капусточки, а если недостает рыбьего жира, снаряжай рыбаков на активный промысел. А что в комбинате — рыболовная флотилия? Иной раз хоть школьников подвигнешь на это дело, проведут они кампанию по сбору морских ежей. Песцы любят ежей, любят икру, которая содержится на донышке их тюрбанообразных коробочек.

Да, трудно приходилось директору. Утешала только мысль, что приедет же когда-нибудь начальство постоянное, снимут с него обузу руководства, будет знать он свою узкую зоотехническую заботу, свой маленький уголок в ветпункте.

Подписывая очередные бумаги, он что-то рассеянно говорил старшему зоотехнику Быстрецову, тому самому, в семье которого не раз

ВАЖНЕЙШЕЕ СОБЫТИЕ ГОДА

Мы попросили американский журнал «Лайф» прислать для новогоднего номера «Огонька» фотографию, опубликованную в 1959 году в «Лайфе» и отражающую наиболее важное международное событие прошлого года. Редакция «Лайфа» откликнулась на эту просьбу. Мы получили фотографию встречи Н. С. Хрущева в Вашингтоне.

Два флага, советский и американский, которые развевались рядом 15 сентября на аэродроме Эндрюс, символизировали возможность новой эры во взаимоотношениях между США и СССР. Поездка Н. С. Хрущева в США помогла взломать льды «холодной войны» и открыла путь к миру без войн, к мирному сосуществованию и сотрудничеству народов.

Миллионы и миллионы людей ждут, что 1960 год принесет новые достижения на этом пути.

лакомился крабовым супом и прочими деликатесами Инны Андреевны. Пожалуй, на этом и основывалась еще холостяцкая привязанность Петра к семье соседей. А на работе между Петром и Быстрецовым все чаще происходили стычки: нераспорядительность и в некоторых случаях даже халатность старшего зоотехника не могли не настораживать.

Отодвинув бумаги, Петр прислушался. Из общей комнаты долетал разгневанный девичий голос.

— Верка разоряется,— покривив губы, сказал Быстрецов и постучал о настольное стекло мундштуком папиросы.— Вот уж настырная особа! Забрали бы у меня ее, что ли...

Петр встречал эту девушку на собраниях, да и слышал о ней немало пересудов. Он знал, что ее почему-то величают генералом, скорее за привычку говорить в глаза резкие вещи. Генералом не генералом, а депутатом райсовета она все-таки пребывала постоянно.

У стола секретаря-машинистки стояла низкорослая, плотная девушка и выбивала кулаком пыль из кипы жалобно дребезжавших скоросшивателей.

— Вот мне еще горе-ученые нашлись! Выдумали — понедельник для песцов голодный день! Это почему же такое? Это не потому ли, что у этих «ученых» с похмелья в понедельник голова не варит и ни к чему руки не тянутся? А песец подыхай, так, что ли? А если бы, к примеру, Инна Андреевна денек эдак-то своего муженька не покормила?

Петр плотнее прикрыл дверь в кабинет.

Ему уже говорили кое-что о том, что песцам не вредно раз в недельку поголодать, от этого-де качество меха улучшается, да и экономия продуктов... Может, в этих разговорах и крылся какой-то резон, следовало разобраться, подумать, но Петр понимал, что узаконивать голодный день в островном хозяйстве, где и без того питание песцов по-настоящему не налажено, было бы преждевременно.

Между тем Вера не уставала извлекать из кипы скоросшивателей ржавое дребезжание.

— Тут надо всему начальству винтики крутить! За их безобразное отношение...

Петр приблизился к ошеломленной этим бурным натиском машинистке и легонько попридержал Верин кулачок.

— Вон вы какая... винтовая,— сказал он одобрительно.

Девушка изумленно взглянула на директора и покраснела.

— А то! Думаете, молчать буду, глядя на... В общем, я к вам, а меня вот не пускают. Говорят, занят директор.

— По какому же вы ко мне делу?

— А все по песцовому, других дел у меня нет. Интересует меня, чем это вы там, в кабинете, экстренно заняты, если на комбинате песцы дохнут?

Предупреждая новый поток гневных слов, Петр робко поднял руку.

— Во-первых, не так-то уж и дохнут песцы, товарищ Званцева. А во-вторых, накормить мы их накормим немедленно. Тут у меня Быстрецов, я дам распоряжение. Поломаем этот голодный день.

Верины глаза тепло сощурились, блеснули мягкой зеленью.

— Правда? — простовато спросила она.— Уж вы сделайте, Петр Васильевич. А то смотреть больно... И еще вот что хотела я вам сказать: не бываете вы у нас, на звероферме. Разве ж это порядок?

Петр смутился, стараясь припомнить, когда посещал звероферму. Ну что ж, не очень давно.

— Бываю я на звероферме, это вы зря...

— Я вас не видела, точно говорю. Может, вы не в мою смену приходили? А нам директор на звероферме во как нужен, чтобы почаще приходил! Мы бы ему с ходу все претензии... Так придете?

— Приду,— пообещал Петр.— Куда же мне и ходить, как не на звероферму!

Он прошел в кабинет и мешковато опустился в кресло-вертушку, которое где-то когда-то служило либо парикмахеру, либо дантисту. Сейчас оно служило ему, и Петр иной раз не мог удержаться, чтобы не крутнуться вокруг собственной оси в собственное удовольствие.

Было не до того. Он сжал руками подлокотники и несколько мгновений не сводил с Быстрецова глаз.

— Что, расстреляла прямой наводкой? — не поняв этого взгляда, ехидно спросил старший зоотехник.— Да-а, против нее устоять — надо иметь опыт ведения позиционной войны. Пробивная, бронебойная девка. Замучился я с ней... Вот скорее бы добить последний этот год — и адью в Москву, в родные пенаты!

— Слушайте, Виталий Тимофеевич,— тяжело, с усилием нажимая на слова, произнес Петр.— Ну, а если вас, как Вера намекнула, не покормить денек, а то и два, не освобождая от мужских обязанностей? Что бы вы тогда запели?

Он понимал, что сказал грубо, но сдерживаться не хотел. Его душила злость.

Быстрецов побагровел так, что даже, казалось, стекла роговых оч-

Г. С. Харитонов. НА БРАТСКОЙ ГЭС.

В. Я. Каневский. ДЕТИ.

Э. И. Хороший. ЛЮБИТЕЛИ ШАХМАТ.

Михаил ДУДИН

ПОД НОВЫЙ ГОД

Под Новый год,
Под Новый год
Мне никаких не надо льгот.
Мне
снова
петь,
Мне
словом
спеть,
О Новом
В Новом
Песню спеть.
Звать
Род людской,
Великий род,
За мир подняться
В Новый год.
Чтоб страх войны,
Угрюмый страх,
Его сыны
Разбили в прах.
Чтобы печали
В Новый год
Не омрачали
Небосвод.
Чтоб дело
Мирное кипело,
Чтоб песня мчалась за моря,
Чтоб новой радугой горела
Россия,
Родина моя!

ИЗМЕНИЛОСЬ ЛИЦО СТРАНЫ

В весенние паводки буйные горные потоки приносили большие разрушения долине Раппбоде в Гарце (ГДР). К десятилетию Германской Демократической Республики здесь была закончена мощная плотина, обуздавшая стихию и подарившая Гарцу новое искусственное озеро. Фото напечатано в серии «10 лет, изменившие лицо страны» журналом «Фрайе Вельт».

ков заблистали отраженным пламенем. И только длинный хрящеватый нос бледно, бескровно выделялся на узком лице.

— Я па-апрашу...— начал уязвленный зоотехник.

— Чего уж просить,— немного поостыв, проговорил Петр, движением руки как бы отстраняя от себя все его возражения и доводы.— Меня просить нечего. Идите-ка лучше организуйте кормежку зверей.

— Но...

Петр понимал его с полуслова.

— А уж этого я не знаю. Надо было раньше позаботиться. Останутся звери голодными — взыщу с вас.

Быстрецов не заинтересован был под конец договорного срока обострять отношения. Какую еще потом выдадут аттестацию! Он безропотно проглотил пилюлю и вышел, не простившись.

Петр проводил его взглядом. Отныне не едать ни ему, ни Рите ароматного крабового супа, не отведывать разносолов Инны Андреевны.

Впрочем, Рита уже и сама варила суп из крабов. Лиха беда — начало. Петр подозревал только, что, как и стирка, кулинарная деятельность ее не увлекла.

Перед обедом он заглянул на пирс, у которого ошвартовалась дорка со свежим уловом, и выбрал два судака с золотисто-зелено-белой чересполосицей — «тельняшкой». А еще именовался судак золотой рыбкой.

Наскоро, в четыре руки, почистили ее, изжарили, съели. Петр с пристрастием обсосал косточки. После малозначащих фраз о том, о сем он предложил:

— А что, Риток, не сходить ли нам сегодня половить уйка? Сезон на исходе...

Она тоскливо сцепила на затылке забинтованные руки.

— Уйки, уйки! Тоже нашел занятие...

Петр растерянно потер подбородок: надо было бриться, проступила щетина....

— Ты знаешь, что я поступила работать на звероферму?

Необычных «посетителей» привел К. А. Деяшкин.

ВЕСЕЛЫЙ ПРОКАТ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Действующих лиц в этом репортаже будет много, но для завязки нужно сказать о троих.

Степан Иванович Башилин заведует ателье проката. Человек он пожилой и положительный, а потому серьезно относящийся к этому новому делу. Люся Клишина и Валя Штурбина по должности — приемщицы, хотя в действительности они не столько принимают, сколько выдают вещи напрокат.

— Вы хотите увидеть жизнь советских людей? — спросил нас Степан Иванович.— Лучшего места, чем наше ателье, для этого не найдете! Как видите, приемный зал не так уж велик, но через него прошло тридцать тысяч клиентов. Каждого привела сюда своя причина — тридцать тысяч причин! Бывают они радостные и трогательные, веселые и грустные...

...День начался с музыки. Заиграл гармонист, молодой рабочий парень.

— Вот эта хороша! — воскликнул он, поглаживая рукой полированную вишневого цвета шуйскую гармонь.— Красавица!

— Ну и возьмите ее,— сказала Люся,— она и впрямь лучше той, которая была у вас.

— Возьму! Жаль, что раньше этой не было: всех бы девчат в деревне приворожил! — смеется гармонист.

— В деревне? — забеспокоилась приемщица.— Мы даем напрокат лишь москвичам...

— А я и есть москвич! Только уезжал в колхоз на уборку урожая и гармонь с собой прихватил. А вообще-то я токарь.

— Сыграйте и нам.

— Для города я играю плохо...— смущается гармонист.— Новоселье справляем: из подвала в новую квартиру въехали. Вот и нужна музыка.

Приемщица выписала гармонь на имя Александра Олькова, и он ушел, уступив место человеку пожилому, требовавшему напрокат пишущую машинку.

— Пожалуйста! Кстати, только одна и осталась. Все в разборе. На них, знаете ли, большой спрос.

— Кто же их берет?

Люся пристально посмотрела на посетителя и сама спросила его:

— Вы не воспоминания пишете?

— Разве заметно? — удивился он.

— Все пожилые пишут мемуары. Между прочим, мой отец тоже пишет. Днем и ночью. Уже две толстенные тетради исписал.

— О чем же?

— Он старый член партии, ему есть о чем вспомнить...

— И мне есть. В годы гражданской войны я был командиром кавалерийского полка в бригаде Котовского. Фамилия моя — Львов Иосиф Иванович...

— Вот еще интересный человек,— шепнула мне Валя.— Два раза в неделю, точно в назначенный час, приходит играть на рояле.

Он был одет довольно элегантно. Волосы седые, тщательно расчесанные. В комнате, куда вошел старик, стоял прекрасный «Бехштейн». В соседней было пианино. Этими инструментами можно пользоваться почасно. У приемщиц есть тетрадка, разлинованная по числу дней в неделе и по числу часов в день. Каждая графа назы-

---

Дней десять Петра не было на острове. Он уезжал на Медный. Он мог и не знать.

— Слышал,— сказал Петр.— По рукам вижу...

— А почему не спросишь ни о чем?

— Ну, ты же не спрашивала меня, когда поступала! Я жду, когда ты сама расскажешь.

У Риты дрогнули веки, она поспешно закрыла глаза.

— Я ушла оттуда.

— Как? После нескольких дней?

— Да. По трудовому законодательству это называется «как не выдержавшая испытательного срока».

Петру хотелось присвистнуть. Но помимо воли губы скривились так горько, что впору было не свистеть, а плакать.

— Ну что ж,— пожал он плечами.— Я тебя не виню. Хотя надо было посоветоваться.

Как-то, воспользовавшись сравнительно приличным воскресным деньком, они бродили по тундре, и только теперь рассеянный их разговор снова коснулся мытарств Риты на звероферме.

— Они кусаются,— горестно заявила Рита и поднесла к лицу мужа забинтованные пальцы.— Один так схватил, знаешь...

— Да, они кусаются,— грызя листочек щавеля, согласился Петр.— Есть у них такая скверная привычка, о которой тебе следовало подумать раньше.— Он обронил щавель и с надеждой взглянул на Риту сбоку.— Но ведь не одну тебя они поначалу кусают! Надо было както... ну, перетерпеть, раз уж взялась за гуж, привыкнуть, а?.. Что скажут люди теперь?

— Ах, что скажет княгиня Марья Алексевна?! — воскликнула Рита и прижала к груди спеленатые бинтами пальцы.— Ты такой большой, умный, неужели ты не можешь стать выше того, что может сказать эта самая Марья Алексевна?..

Они мыслили совершенно по-разному! Но в глубине души Петр рассудил, что одно дело, когда песцы кусают кого-то, и совсем другое, когда они кусают Риту. Может, она права. Во всяком случае, видеть ее руки в бинтах ему было мучительно.

Не хотелось ни о чем толковать, а вот идти бы так по тундре да идти, упоенно вдыхая неброские запахи разомлевшей почвы. Потому что запахи были, потому что тундра жила, как ни мало ей отпустила природа для этого калорий солнечного тепла и как ни слабо циркулировали соки в капиллярах ее растений.

На зелено-бархатных подушечках мха повсюду стлался сдержанный росшив желто-белых рододендронов. Пламенели над говорливыми ручьями светло-золотистые обрывы. Стрелоподобно мелькали в воде хищные тени черноспинных гольцов.

Скромненько выглядывали из травы серые, с табачком куропатки, а поодаль важно сверкали франтоватым оперением самцы, опора и надежа беспокойного выводка.

Интересно, что говорят сердцу Риты эти маленькие подробности большого жизненного круговорота?

Почти не было в тундре комаров. Проносились над ней бесшабашные и всевластные ветры — от Тихого океана до моря Беринга и от моря Беринга до Тихого океана. Не держалась тут разная кусачая мелочь. Иди, не закрывая лица, и дыши вволю, яви такую милость...

А взамен этого приходилось донимать Риту нудными нравоучениями. Должно быть, ей и досадно и смешно. Не девчонка же...

— Тебе, конечно, все равно, как расценят твое поведение,— растерянно пробормотал он.— Но мне далеко не все равно. И потому, что ты моя жена, и потому еще, что я хотя и временный, но все-таки директор...

Рита сказала, чуть не плача:

— Ну, хорошо. Ну, я виновата. Ты думаешь, я этого не чувствую? Но что я могу поделать? — Она попыталась свести разговор к шутке: — А в твоем директорском положении я бы и переживать не стала. Как говорили древние, жена цезаря вне подозрений. И, очевидно, вне критики.

Петр покрутил головой, не находя слов. Конечно, ей трудно с непривычки. Конечно, работа на звероферме не ее работа. Разве он этого не понимал?

— Ума не приложу, что с тобой делать! — вздохнул он.— Ну, живи просто так, радуйся жизни...

— Да, да. Живи просто так. Корми Мурзилку крабами. Чего доброго, и мышей ему придется ловить.

— Кроме этого иждивенца, на твоем попечении и моя особа.

— Ну, твоя... А ты бы смог так?

Он как бы очнулся.

— Кто, я?.. Нет, должно быть, не смог... Но, заметь, я все-таки мужчина, а не женщина. Не та роль!

Философские выводы на ум что-то не шли. Практического выхода они не нащупали.

— Пойдем домой,— сказала Рита.

— Пойдем,— согласился Петр.

Но он все-таки заглянул на звероферму, именно в ту, первую секцию, где работала бригадиром Вера Званцева. Опять случился скандал: песцам вовремя не подвезли корма, потому что машину куда-то угнали. В соседней секции самка успела слопать своего щенка. Но с подопечными Веры такой казус не произошел. Она и ее девушки бдительно следили за клетками.

Осматривая хозяйство первой секции, Петр заметил, что тут непривычно много щенков.

вается «окном». Все «окна» расписаны на много дней вперед за постоянными клиентами, что огорчает тех, кому не посчастливилось попасть в «обойму».

Мы познакомились с Яковом Платоновичем Дометти, когда рояль уже был раскрыт, но струны еще не рыдали. Яков Платонович не музыкант. Он много лет трудился в строительных организациях. Но музыку всегда любил. Любит ее и сейчас, когда ему уже восемьдесят. Он получает пенсию, живет в достатке. Конечно, мог в свое время приобрести инструмент, но не хотел причинять беспокойства домашним: его игра доставляет удовольствие, пожалуй, только ему одному...

В зале перед приемщицами в это время стояли два явно чем-то расстроенных молодых человека.

— Поищите, пожалуйста,— просили они.

— Все роздано.

— Может быть, найдете?

— Хорошо, проверю,— согласилась Валя.— Но почему такая спешка? Через несколько дней таких фотоламп будет сколько угодно.

— У нас свадьба сегодня,— снова ответили они вдвоем.

— У обоих сразу?

— Нет, свадьба у наших товарищей. Комсомольская свадьба. А мы должны там снимать. Как же без лампы-вспышки?

Валя любит такие торжества. Карие глаза ее вспыхнули, как сама лампа-вспышка.

— Раз свадьба, придется поискать!

И нашла.

— Что же вы подарили молодоженам? — интересуется практичная Люся.

— Подарок от всей группы: радиола «Дайна».

— А куда они ее поставят?

— Они получают комнату. Целый этаж общежития отведен молодоженам.

— Передайте наши поздравления!

Был случай, когда Степану Ивановичу пришлось лично поздравить новобрачных. Вот как это произошло. Заказали много посуды, радиолу, пластинки, фотоаппарат. Родители невесты тщательно отбирали каждую вещь, сверяясь с заранее заготовленным списком. Уехали, нагрузив машину доверху. Вдруг вечером раздался телефонный звонок.

— Спасайте! — услышал Степан Иванович в трубку.— Забыли взять вилки и ножи. Из головы выскочило. Стол ломится от яств, гости в сборе, а есть нечем. Выручайте, дорогой, привезите вилки и ножи!..

Степан Иванович в нарушение всех инструкций собрал вилки и ножи, захватив на всякий случай и ложки, сел в такси и помчался на свадьбу. Ему как «спасителю» преподнесли первую чарку. Степан Иванович произнес тост, поздравив молодых от имени старой славной когорты революционеров, к которой принадлежит и он сам, вступивший в партию в незабываемом девятнадцатом году.

Рассеянность иногда приводит к самым неожиданным результатам. А иногда и бьет рублем. Так происходит с теми «рассеянными с улицы Бассейной», которые забывают вернуть в срок взятую напрокат вещь. Правда, таких очень мало, но...

...человек поздоровался со Степаном Ивановичем, как со старым знакомым.

— Как же быть? — спросил он мрачно.

— Придется платить. Мы не нашли никаких «смягчающих вину обстоятельств».

— Но так много?! Ведь это почти стоимость нового аккордеона!

— Что ж делать? Надо было продлить срок, а от вас ни слуху, ни духу.

— Я был на гастролях...

— Перевели бы деньги по почте.

— Забыл, поверьте. Рассеянность подвела.

— Долг платежом красен...

Раз уж разговор зашел об артистах, заглянем снова в комнату, где стоит пианино. Здесь уже сыграла сегодня свои сольфеджио пятиклассница Вера, насладилась Чайковским седая пенсионерка, разбирала новую пьесу преподавательница физики. А сейчас из чуть приоткрытой двери приятный голос доносит слова модной песенки:

Большой советский пароход
У берегов Гвианы...

Это артист Московской филармонии Лев Хнычев готовит новый репертуар.

— Дома, знаете, семья, соседи... А здесь так удобно,— поясняет он.

Большой спрос на музыку: просят телевизоры, радиоприемники. Музыка, оказывается, нужна не только дома, но и в туристском походе.

— Куда собираетесь? — спросил я мужчину, взявшего напрокат радиопроигрыватель.

— Пойдем на лыжах в Тишково. Выходим в субботу вечером. Остановимся в гостинице для рыбаков. Нет, сами мы не подвержены этой страсти. Передохнем, послушаем музыку, потанцуем, повеселимся. А потом опять в путь...

— И вернетесь к обеду?

— Зачем? Костер разложим, сварим обед из консервов и концентратов. Мы лыжники бывалые...

— Кто же это «мы»?

— Инженеры нашего проектно-конструкторского бюро.

В это время раскрылась входная дверь, и появился мужчина, державший на поводу двух забавных фокстерьеров. Знакомимся. Мастер 1-го подшипникового завода Константин Александрович Деяшкин только что вернулся с удачной охоты. Зовут фокстерьеров Тэдди и Читта. У обоих десять медалей и семь дипломов.

Деяшкин охотился вместе с друзьями вблизи Калинина, там, где в годы войны проходила линия фронта. В полуразрушенных блиндажах и дотах теперь развелись лисы и еноты. А на них нет лучше собак, чем фокстерьеры.

— Взяли четырех енотов, двух лис. В день отмахивали по двадцать километров. Десять дней отпуска пролетели незаметно,— рассказывает Деяшкин, протягивая приемщице взятый им напрокат рюкзак.

— Разве у вас нет своего рюкзака?

— Есть, конечно. Но одного мало. В своем я вожу в автобусе Тэдди и Читту. Так сказать, контрабандой. Они легко умещаются в одном. Сидят смирно, словно чуют, что рядом сердитый кондуктор.

...Этот репортаж начался с рассказа о гармонисте, приехавшем с

Поет артист Лев Хнычев.

уборки урожая. Пусть он и закончится музыкой.

Пришедшая женщина так и сказала:

— Нам нужна музыка. Трест приказал: доставайте музыку!

— Кому?

— Столовой на проспекте Мира.

— Зачем так срочно понадобилась музыка?

— Реорганизация. До пяти вечера — столовая, а с пяти — ресторан. Музыка нужна.

Вот и конец знакомству с нашими героями. Степан Иванович говорит на прощание:

— Наше ателье называют веселым прокатом. И это верно. Вещи, взятые напрокат, доставляют веселье и радость людям.

— Чьи это у вас? — спросил он Веру.

— Порышкиной. Она говорит, сдохнут. Ну, я их и забрала. Знали бы вы, как жалко: они такие беззащитные! Вот отошли немного. Я их яйцами куриными с ложечки кормила, желтками. А еще арьими...

— Яйца-то куриные откуда?

— Свои, домашние...

— Гм...

Петр прикрыл громоздкую крышку щенячьего домика, пристроенного сбоку клетки.

— Слушайте, а она тяжеловата, эта крышка! Мне и то трудно, но ведь вам постоянно надо открывать домик, следить...

— Куда денешься?

Петр покусал губу.

— М-да! А если крышку разделить на две секции и устроить шарнирное соединение? Сделать это не составит особого труда, зато вам будет удобней.

— Это вы славно придумали,— согласилась Вера.— Но тут все от вас зависит. Велите плотникам.

Их руки нечаянно встретились на крышке, и Петр покраснел: руки девушки выглядели более грубыми, пальцы разбухли в суставах, а на шершавой коже бело-малиновыми точками обозначились укусы песцов.

— Конечно, я велю плотникам,— смутившись, сказал он и нерешительно добавил:— Я вижу, достается от подопечных. Грызут почем зря...

— Ну, это что,— тихо улыбаясь, сказала Вера,— давнишние! А вот у нас Хаврошა есть. Взвесить ее надо было, ну она ни в какую. Раздразнили ее, задергали... Работницу нашу, Ленку, за волосы цапнула, та в крик... Потом я ее взяла,— она меня знала, слушалась,— а тут по инерции и меня за щеку... Вот, видите шрам?

Глаза Веры остановились против глаз Петра совсем близко; их зеленый блеск ослепил, и он едва заметил белесый шрам на щеке.

— Вижу,— сказал он.— Какие у вас зеленые глаза, русалочьи. Это почему?

Вера потупила голову и сделала вид, что не расслышала вопроса. Мочки ушей у нее запунцовели.

Сообразив, что сказал недозволенное, Петр прикусил язык. Собственно, не о глазах он должен распространяться. Ему надо было задать один вопрос, а задавать его не хотелось.

— Скажите, а как тут моя жена?.. Она ведь работала у вас?

Лицо Веры потухло, и запали щеки. Пальцы неловко соскользнули с крышки.

— К песцам с доверием надо, с теплотой, а не то, что вот жена ваша палкой миску с едой доставала,— проговорила Вера так, будто продолжала прерванную беседу, никакого отношения ни к чьим женам

Кисти и краски

Борис ЕГОРОВ

Рисунок М. Милославского.

С некоторых пор бухгалтер Никодим Ермолаевич Цигейко серьезно увлекся живописью. Умение держать в руках кисть и обращаться с красками он обнаруживал и ранее. Никогда, например, не приглашал для текущего ремонта маляров, а обходился своими силами.

И небезуспешно. Стены цигейкинской комнаты украшал замысловатый орнамент, позаимствованный с вкладки популярного журнала.

— Теперь бы картинку еще какую повесить! — мечтательно сказала жена, осматривая комнату после ремонта. — Пустовато немножко у нас...

— Пустовато, — согласился муж.— Давай поищем, купим.

Выполнить это намерение супругам, однако, не удалось: в магазине «Вымпелы. Бюсты. Живопись» имелись только копии шишкинских мишек и плакаты, призывавшие к борьбе с непарным шелкопрядом. Рухнула надежда и на рынок: приобретать целующихся лебедей острого желания не было.

Тогда и осенила Никодима Ермолаевича спасительная идея: восполнить эстетический пробел своими собственными руками.

«Черт возьми! — подумал он.— Если у меня так неплохо получился бордюр, то, может, и натюрморт с журнала сумею перерисовать?»

Разграфив журнальную вкладку на квадраты, он аккуратно скопировал натюрморт.

Приемная комиссия в лице жены сказала полуодобрительно:

— Вешать можно.

Кисти и оставшиеся краски были подарены Никодимом Ермолаевичем сыну — ученику пятого класса.

На этом живописное творчество Цигейко могло и закончиться, если бы не побывал у него на дне рождения председатель завкома Полуяров. Полуяров слыл открывателем новых талантов и инициатором различных культурных начинаний, которые до конца почему-то никогда не доводил.

— Ермолаич, да у тебя способности пропадают! — воскликнул он, разглядывая натюрморт.— Нам таланты нужны! Подари-ка это полотно нашему клубу. И вообще продолжай в том же духе.

Вскоре работа Цигейко, обрамленная роскошным багетом, красовалась уже на стене комнаты тихих игр. А городская газета напечатала не без участия Полуярова заметку под заголовком: «Бухгалтер-художник. Днем — за арифмометром, вечером — за мольбертом». В заметке сообщалось, что одну из своих работ Цигейко подарил клубу и что вообще это благородный почин: пусть все клубы украсятся картинами художников-любителей.

Потом о Цигейко было сказано в радиопередаче. Местное радио черпало свежую информацию со страниц газеты, и, естественно, оно не могло обойти своим вниманием бухгалтера-художника. То, что содержалось в тридцати газетных строках, радисты перевели в диалог, добавили несколько биографических подробностей, дали сказать три фразы самому герою, записали шум счетных машин — и получилось вполне прилично. Цигейко попал в эфир.

Популярность росла. И когда завком составил отчетный доклад, кто-то предложил упомянуть о Никодиме Ермолаевиче в разделе культурно-спортивной работы. Тем более, что раздел этот не выглядел ярко и красочно: завод молочных бидонов не славился ни академическим хором, ни семьей потомственных акробатов, ни футбольной командой.

— А стоит все-таки о Цигейко говорить? — усомнился один из авторов доклада, но его сомнения тут же рассеяли:

— О Цигейко весь город знает! Радио слушайте, газеты читайте!

Отчетный доклад завкома попал в областной комитет профсоюза, а там в это время тоже собирались отчитываться... И не раз еще Цигейко вынужден был выслушивать лестные реплики знакомых: «Опять о тебе слыхали. Молодец!»

Впрочем, выслушивал он все это уже как должное. И многозначительно улыбался с таким видом, словно говорил: подождите, я покажу вам, на что способен!

не имевшую.— И вообще без палки у клеток не показывалась. А зверь этого не переносит. Он делается раздражительным, злым...

— Значит, не сумела Рита...

— Значит, не сумела.— Вера затеребила тесемки на рукаве халата.— Да, может, и не захотела суметь; это ей знать лучше.

Петр слушал Веру со смешанным чувством досады за жену и горечи.

А Вера... Она удивляла Петра. Куда девались ее шумливость, резкие жесты, незатейливые остроты? Она присмирела, разговаривала степенно, как бы прислушиваясь к чему-то, происходящему внутри — в сердце, что ли... Она была чем-то вроде напугана, но это угадывалось скорее в скованности движений, нежели в стеснительном сиянии глаз, в раздумчивой замедленности речи.

Впрочем, размышлять сейчас приходилось не о Вере. Она не пропадет. Не на таких дрожжах замешана. А вот Рита...

Рассеянно скользил Петр взглядом по клеткам, в которых свирепо метались песцы. Иногда они прыгали на сетки — либо молча, либо с жалобным, переходящим в визг подтявкиваньем. Были они несимпатичные, с облезшими хвостами. Их знаменитая шерсть клочьями свалялась там и сям.

Что осталось от зимних щеголей в изысканных шубках, отливавших голубизной, кроме пронзительно рыжих глаз!

Резко пахло аммиаком.

«Да, тут Рите могло не показаться,— подумал Петр как-то безразлично.— Здесь все-таки царапают, кусаются...»

— Спасибо за откровенность, Вера,— сказал он.— А с машиной я выясню. Должно быть, тут Быстрецов опять посамовольничал...

— А что ему?— согласилась Вера.— Он лыжи на материк навострил. У него чемоданное настроение.

Домой Петр возвращался кружной дорогой, через наблюдательный пункт рыбного хозяйства и океанографии. Вдоль песчаного берега лежала нескончаемая лента выброшенных штормом уйков.

Он ощущал эту мертво блестящую ленту как некую черту, проведенную между ним и Ритой. Она что-то определяла, эта черта. Был вечер, напоенный сырыми запахами океана, было жужжание динамки, и тусклый свет луча, зигзаги уйков в ласковой воде, и горьковато-соленое запястье Риты. Все это было. Но все это никуда и не ушло, кроме разве отнерестившихся уйков. Кроме разве очарования того вечера. Вот именно: кроме очарования...

А впрочем, он спешил с выводами. На балу цветов Рита была прелестна,— она затмила всех местных красавиц. Хотя ее наряд был прост: светло-зеленое без рукавов платье из льняного полотна, в юбку втачана голубоватая полоса, простроченная нитками мулине в тон платья. И такая же полоса с частой зеленой строчкой обрамляла декольте. И еще нитка меленьких бус на шее. И часики на тонкой руке.

Может, эта простота и выделяла ее среди других женщин, одетых в электрически шуршащие шелка с блестками, оборками и рюшами, пышными, как пена...

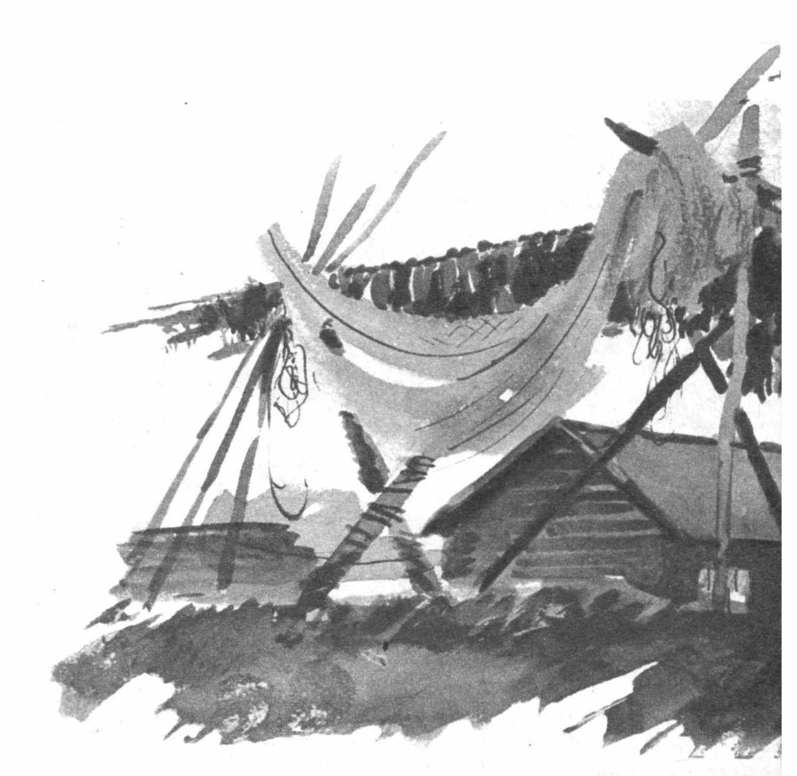
Оттого, что Петр опоздал к началу бала, он истово и рьяно старался наверстать упущенное: вальсировал до упаду, причем все танцы шли у него в ритме вальса—и фокстроты и даже танго... Всякий раз, когда к нему приближалась местная журналистка Нонна Табакова, Петр опасливо прижимал Риту.

Табаковой он побаивался, та не раз «пропесочивала» его в газете, а кроме того, наводили уныние ее громогласность и могучие телеса.

— Вы фея, Риточка,— шепнула Табакова на крутом вираже.— Фея цветов... На вас смотрит весь остров!

«Оценила-таки,— обрадованно вздохнул Петр и украдкой сдунул с носа каплю пота.— У нее-таки есть глаз. Фея цветов... Гм!»

Усевшись на скамейку, он самодовольно подумал, что почему бы и

Выполнению этого обещания Цигейко и посвятил ближайший отрезок своей жизни.

Кисти и краски он отобрал у сына назад.

Цигейко творил. Первые свои работы после знаменитого натюрморта он отправил посылкой с объявленной ценностью в отделение Союза художников. Оттуда пришел ответ: «Уважаемый Никодим Ермолаевич, очень отрадно, что Вы занимаетесь живописью. Ваши работы «За балансом», «Обеденный перерыв в бухгалтерии» и «В день зарплаты» отмечены знанием жизни. Вас привлекают простые люди, их трудовые будни. Вы показали трудности, которые они преодолевают («За балансом») и радость труда («В день зарплаты»). Но Вам еще не хватает техники, уверенного мазка, знания композиции».

Далее автор письма рекомендовал Цигейко посещать картинные галереи, слушать лекции экскурсоводов и писал в заключение: «Мы думаем, что Вы достигнете творческих успехов».

Письмо очень ободрило художника. Но если б он знал, как мучительно составлялось оно! Работник Союза художников три раза переписывал его, стараясь придать своему произведению наиболее обтекаемые формы. Мнение о цигейкинских полотнах у него было самое отрицательное. Но писать в том духе, что, мол, дорогой товарищ, у Вас нет даже элементарных задатков и ничто не поможет Вам приобрести их, поэтому бросьте сие занятие, — так писать в творческих организациях и редакциях не принято. Автор вдруг почему-то может обидеться, пожаловаться в вышестоящие организации: зажимают молодых, отмахиваются. Жалоба вернется в Союз, начнут разбирательство. Лучше было поступить по испытанному рецепту: сначала похвалить (за содержание), потом пожурить (за форму) и дать несколько общих советов. Пусть себе продолжает живописать.

И Цигейко продолжал.

Спустя несколько месяцев комната его напоминала запасник музея изящных искусств или склад живописного магазина. Холсты и полотна в рамках и без закрывали собою все стены. Большинство просто стояло на полу рядами, штабелями и другими возможными фигурами. Ряды росли, занимая все большее место, и жена Никодима Ермолаевича вынуждена была в конце концов продать сервант. А затем и еще кое-какую мебель.

Нечто недоброе происходило и в голове самого Цигейко. Страсть к живописи постепенно вытеснила все другие мысли и желания. Он уже не брал сверхурочных. Более того, лишился премиальных за свою прямую работу.

Жену пока что устраивали деньги за проданный сервант, но будущее внушало некоторое беспокойство. Беспокойство, конечно, не только чисто финансовое. Тихую, уравновешенную женщину волновало, как же все-таки дальше сложится жизнь. Она пыталась узнать это из писем, которые приходили мужу в ответ на его посылки. Но все письма, как две капли воды, были похожи на первое. Чуткие ценители искусства желали «дорогому Никодиму Ермолаевичу» «новых творческих успехов» и «выражали уверенность...».

Но на выставки, даже на районную, его работы не брали. И больше не писали о нем ни строчки.

Цигейко стал раздражителен. Самолюбие его страдало.

— Это интриги конкурентов,— пояснял он жене. — Завистники.

— Завистники, — соглашалась жена, вздыхая, хотя внутренне не была согласна с мужем. Глядя на похудевшего Нику, от которого, по ее выражению, остались только нос и очки, она думала: «Нашелся бы такой завистник, который сумел бы внушить Никодиму Ермолаевичу, что пора кончать все это и вернуться в лоно прежней жизни».

А Цигейко не ослаблял своего упорства. По вечерам к нему наведывались знакомые и сослуживцы: он писал с них портреты, предварительно сделав набросок по фотографии. Наиболее терпеливые получали свои портреты в подарок. Конечно, они видели, что получились не очень похожими. Но ведь заранее знали, что Цигейко — это не академик живописи.

И они уходили, унося с собой бережно завернутые в бумагу произведения Цигейко. Их было немного — единицы, но и единиц оказалось достаточно, чтобы бдительные соседи написали заявление в горфинотдел. Написали в том смысле, что гражданин Цигейко занимается частным промыслом, торгует картинами и не платит налоги.

И вот однажды к нему явился фининспектор. Это был молодой человек с открытым, приятным лицом и в костюме спортивного вида.

— Цигейко? Никодим Ермолаевич? — мягко улыбнулся он, предварительно представившись. — Я интересуюсь вашим творчеством.

Цигейко удовлетворил просьбу гостя. Гость взглянул на полотна и улыбаться немедленно перестал.

— Это работы не для продажи, — закончил молодой человек. — Я как инспектор горфо к вам претензий не имею.

Цигейко выдержал паузу, ожидая услышать что-то еще. И услышал:

— Вы, дорогой, просто зря время тратите. Извините, конечно, за прямоту. Но это я уже говорю как зритель.

Инспектор ушел. И опять в душе Цигейко боролись два чувства. Первое: хорошо, что отделался, никаких неприятностей. И второе: первый раз его не признали, зачеркнули все начисто. Не похвалили даже за содержание.

Фининспектор сказал то, что должны были сказать другие, причем гораздо раньше. И почему-то эти слова вдруг произвели на Никодима Ермолаевича огромное отрезвляющее действие. То ли потому, что молодой человек внушал к себе большое расположение и был на вид очень интеллигентен. То ли потому, что Цигейко, как бухгалтер, всегда очень уважительно относился к коллегам по профессии.

Словом, живопись он оставил, вернулся со всем былым увлечением к своей работе и, говорят, недавно, после долгого перерыва, получил первую премию. А жена его уже планирует снова купить необходимый ей сервант. Хорошо, что все наконец окончилось. И на соседей она не обижается: кто знает, что было бы, если бы не их письмо...

не фея... Ведь эти вот цветы — Ритиных рук дело, в них часть ее души. Пусть они не пахнут, но они горят.

Цветы не пахли. Но они звучали. Фольга издавала щемящие шорохи, бумага хрупко шелестела, стеклярус тычинок мелодично вызванивал, если его задевали: дили-бом, дили-бом... А мрачно пламеневшие бутоны из обрезков плюша хранили гордое молчание, но, тем не менее, их вкрадчивая красота пленяла.

— Что она тебе еще говорила? — наклонился Петр к плечу жены.

Рита нетерпеливо шевельнулась: от дыхания Петра стало щекотно шее.

— Кто?

— Эта... Нонна...

— Да ну, разные глупости! Говорит, сынка бы вам; думает, как сама завела, так теперь всем позарез...

Петр выпрямился и натянуто сказал:

— Не такие уж глупости. Мне даже кажется, что она сегодня удивительно верные вещи говорит, эта Нонна Табакова.

После бала за вечерним чаем он пространно рассказывал Рите о посещении зверофермы, о том, как Вера ухаживала за беременными самками и почему в ее секции совсем нет падежа...

Рита обожглась и резко отодвинула чашку.

— Удивительно, как ты умеешь испортить вдруг настроение! Тебя эти беременные песцы интересуют больше, чем я. Чем даже этот сегодняшний бал, в котором...

Петр отодвинул и свою чашку — укоризненно звякнула благоприобретенная мельхиоровая ложечка.

— Но ты же не беременна.

Рита задохнулась: она никогда еще не слышала от мужа таких слов.

— Боже мой,— сказала она,— боже мой!.. Неужели ты будешь обращаться со мной по-человечески только тогда, когда я окажусь в положении? Хорошенькое дело!

Петр шумно встал и в сапогах протопал к кровати.

— Извини,— отмахнулся он,— тебя послушаешь — поневоле из себя выйдешь...

(Продолжение следует.)

ПРАЗДНИК СВОБОДНОЙ КУБЫ

Вас. ЧИЧКОВ

Один год — очень короткий срок в истории любого народа. Однако бывают переломные годы, меняющие судьбы стран. Для маленькой республики Кубы таким большим годом был уходящий, 1959-й.

Когда миллионы людей встречали этот год традиционными тостами, на острове гремели орудийные залпы, кубинцы с оружием в руках сражались за свободу. В ту памятную новогоднюю ночь рухнул диктаторский трон генерала Батисты.

История Латинской Америки богата дворцовыми переворотами, военными заговорами. Но они лишь приводили к смене одних диктаторов другими. Кубинская революция 1 января 1959 года поставила в повестку дня коренную ломку политического и государственного аппарата. Были распущены армия, полиция, всевозможные репрессивные организации, служившие интересам иноземных монополий. Активисты бывших политических партий, поддерживавших старую власть, лишены политических прав сроком на 30 лет. Наиболее опасные военные преступники расстреляны. Собственность приспешников Батисты конфискована.

На развалинах обанкротившейся диктатуры созданы новые органы власти. Героические повстанцы Фиделя Кастро вместе с представителями других демократических партий пришли к государственному руководству и открыли перед Кубой путь к свободе и независимости.

Впервые за многие десятилетия гнета и унижений народ Кубы вздохнул полной грудью. Осуществилась вековая мечта кубинского крестьянина о земле. Закон об аграрной реформе экспроприирует помещичьи земли и бесплатно передает их крестьянам. Уже во многих деревнях созданы кооперативы, и земледельцы получают дешевые кредиты и машины.

Трудящимся кубинских городов революция тоже принесла облегчение. Наполовину снижена квартирная плата, резко уменьшены тарифы за пользование электроэнергией и телефоном, плата за медицинское обслуживание. Поднялись заработки рабочих и служащих.

Десятки новых декретов подписаны за этот год революционным правительством. Один говорил об увеличении числа учителей в школах, другой устанавливал охрану нефтяных богатств страны, третий объявлял борьбу с детской беспризорностью.

Год назад, когда в Гавану победоносно вступили овеянные славой бородатые повстанцы, их спрашивали:

— Когда вы сбреете бороды и острижете длинные волосы?

Они отвечали:

— Бриться будем, когда освобожденной Кубе перестанут угрожать враги.

Повстанцы держат слово. Они не бреют бороды и не расстаются с автоматами до сих пор, потому что над Кубой по-прежнему стоят грозовые тучи. Недруги, особенно в Соединенных Штатах, изо дня в день ищут предлога, чтобы разгромить кубинскую революцию, помешать ее большим делам и успехам.

Сотни, тысячи отравленных, клеветнических статей были нацелены против Кубы. Предателей, вроде бывшего командующего авиацией Кубы Ланса, встречали в Соединенных Штатах как желанных гостей.

Несколько антиправительственных заговоров было раскрыто в прошлом, 1959 году. 20 октября на Кубе вспыхнул заговор Матоса. Предатель Матос хотел внести раскол в ряды революционеров, сорвать проведение аграрной реформы. Затея не удалась, несмотря на обильную помощь из-за рубежа.

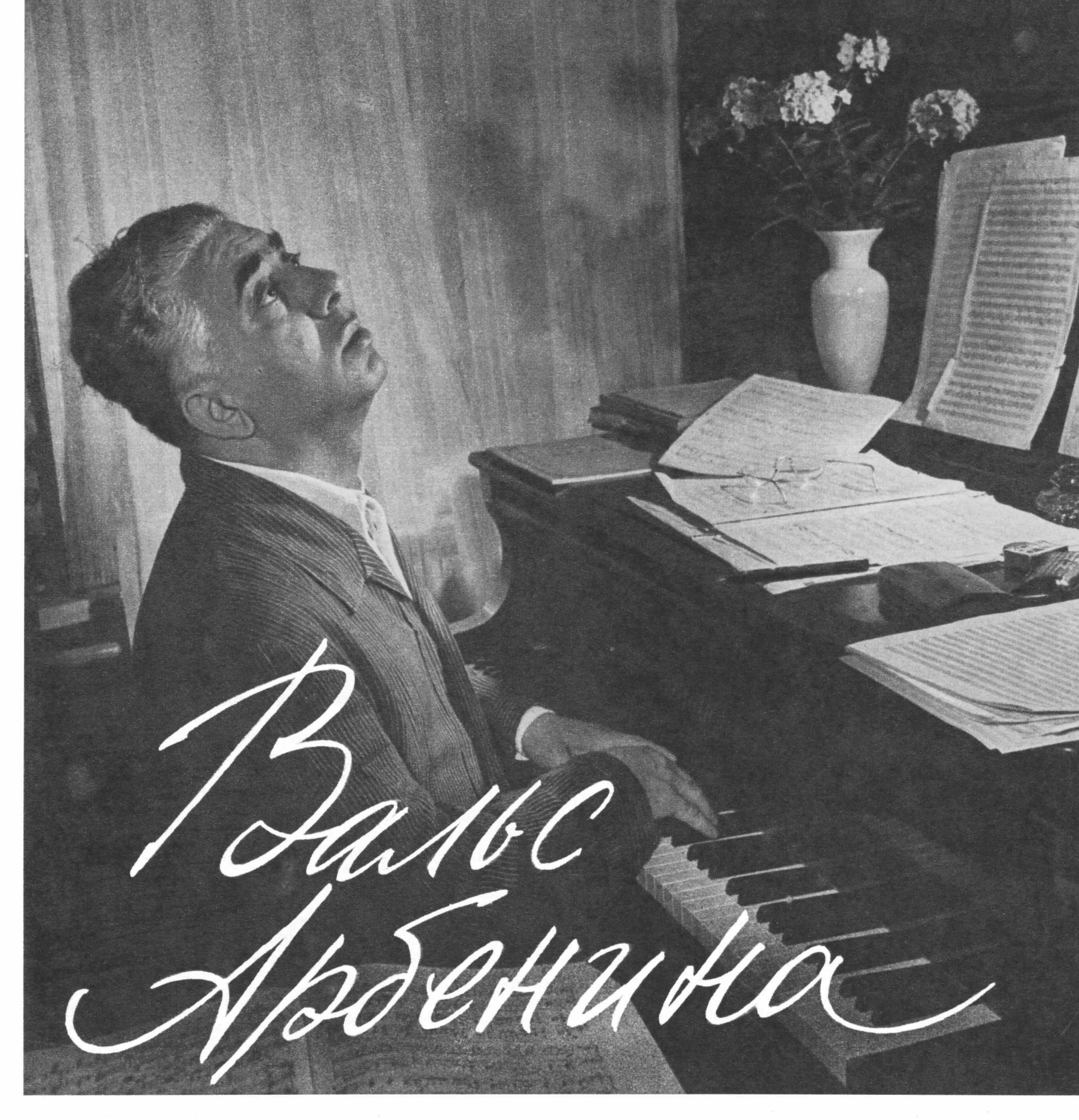
Чтобы выразить свою ненависть к заговорщикам, 26 октября у президентского дворца собралось более миллиона кубинцев — рабочие, служащие и крестьяне. Митинг продолжался шесть с половиной часов. Над головами манифестантов на больших плакатах и лозунгах были написаны дорогие сердцу каждого кубинца слова: «Да здравствует революция!», «Слава Фиделю Кастро!», «Да здравствует аграрная реформа!».

Народ охраняет свою революцию и зорко следит за происками врагов. В день исторической его победы к нему несутся слова привета советских людей, всех, кому дороги мир, свобода и дружеское сосуществование народов.

Более миллиона кубинцев собрались на Дворцовой площади Гаваны, чтобы выразить поддержку правительству Фиделя Кастро.

Ираклий **АНДРОНИКОВ**

Арам Ильич Хачатурян.
Фото С. Фридлянда.

Вальс Арбенина

1

Этот вальс знают решительно все. Он нравится музыкантам, и просто людям со слухом, и людям даже не музыкальным; и старым, и молодым, и восторженным, и скептикам, не признающим «серьезной» музыки. Звучит ли он с концертной эстрады, по радио или на патефонной пластинке, вальс этот отвечает каждому сердцу, каждой аудитории, в каждом доме, и городе, и даже в каждой стране, ибо, возникший в 1940 году как музыка к постановке драмы «Маскарад» Лермонтова в Московском театре имени Евг. Вахтангова, он давно уже перешагнул пределы драматической сцены и звучит теперь в концертных залах едва ли не всего мира.

Уже первые такты этой удивительной музыки, еще до появления темы, когда, словно на качании высокой волны, вздымается суровое, бурное звучание оркестра,— уже начало этого вальса мгновенно захватывает вас. И вот оно уже увлекло вашу мысль, сообщило ритм дыханию, отразилось у вас на лице. Оно уже полюбилось вам. Внезапно. Без подступов. С первого такта. С первого раза. И навсегда.

Дважды, словно чтоб лучше взлететь, тема взбегает, и вот уже плавно скользит на волне, опускаясь и поднимаясь на ней, обретая все более страсти, покуда, бурно взметнувшись на торжествующе скорбном повороте мелодии, не рушится, чтобы снова начать восходящее это движение,— дать возможность еще раз постигнуть это могучее и скорбное торжество.

Безграничный, «сияющий» покой сменяет в «Ноктюрне» эту мрачную бурю чувств, когда, выпевая под оркестр задумчивую тему, скользит певучий смычок засурдиненной скрипки... Разлетелся мотив стремительной, изящной мазурки... Бережно, без слов пересказала труба романс Нины. И резвый, игривый, задорный галоп, обнажающий деланное веселье и нескромные страсти великосветского бала,— галоп, построенный на плавной мелодии, украшенной жесткими гармоническими узорами,— завершает эту сюиту, составленную из музыки к «Маскараду». Все хорошо в ней! Все отмечено той новизной, которая никогда не состарится.

Но вальс... Что-то демоническое есть в этом вальсе. Что-то загадочное, прекрасное заключено в этой музыке — властная сила, так отвечающая энергии лермонтовской поэзии, взметенность, взволнованность, ощущение трагедии, которая вызвала его к жизни. Трудно представить себе музыку, более отвечающую характеру романтической драмы Лермонтова. Если б сказать вам, что это музыка к одному из творений Пушкина, вы не поверите. Это Лермонтов! Это **его** победительная и прекрасная скорбь, торжество **его** стиха, **его** мысли.

И в то же время хачатуряновский вальс — музыка **глубоко современная** и по фактуре и по ощущению поэзии Лермонтова, совершенно свободная от какой-либо стилизации, от попытки «подделаться» так, чтобы трудно было отличить эту музыку от подлинного произведения эпохи.

Сорок три года назад «Маскарад» был поставлен на сцене — в Петербурге, в Александринском театре. Он шел тогда с прелестной музыкой А. К. Глазунова. Но вальса Глазунов не написал: он использовал «Вальс-фантазию» Глинки — одно из лучших созданий русской и мировой музыки,— с лермонтовским «Маскарадом» никак, однако, не связанный.

«Вальс-фантазия» написан Глинкой в 1839 году, четыре года спустя после того, как был создан «Маскарад» Лермонтова. Первоначально он носил название «Меланхолический вальс». Он полон грустных и нежных воспоминаний, изящества, грации и соответствовал бы скорее элегической поэзии Баратынского, нежели бурным страстям романтической драмы Лермонтова. Напротив, вальс из музыки к «Маскараду» Хачатуряна отвечает мятежному духу Арбенина, и как бы содержит в себе предсказание трагической развязки событий.

Казалось бы, ничего общего между двумя этими вальсами нет. А между тем эта связь несомненна.

2

Сколько написано — в прошлом веке и в нашем — вальсов, быстрых и медленных, увлекательных, мечтательно-томных, под которые кружатся пары, которые созданы для того только, чтобы под них танцевать! Никто, однако, не станет играть их в серьезном концерте: это бальная музыка.

Есть вальсы другие, скажем, Иоганна Штрауса. Вот уже больше ста лет они звучат в бальных залах, на танцевальных площадках и просто на площадях. Но звучат и в концертных залах, так щедра эта звукопись, так изобретательна, разнообразна и мелодична музыка, вдохновленная сценами народной жизни, картинами австрийской природы.

Есть вальсы, под которые танцуют только на сцене. Таковы вальсы в балетах Чайковского — в «Лебедином озере», «Спящей красавице», «Щелкунчике», в глазуновской «Раймонде», в балетах Прокофьева,— сложные музыкальные пьесы, бесконечно раздвинувшие выразительные возможности самого танца.

И есть, наконец, вальсы такие, под которые никто не танцует,— музыкальные пьесы в форме вальса: «Вальс-фантазия» Глинки, вальс из Третьей сюиты или из Пятой симфонии Чайковского, концертные вальсы Глазунова, вальсы из сюит Шостаковича, вальс из «Фантастической симфонии» Берлиоза, фортепьянные вальсы Шопена, Листа, Брамса...

Форму вальса композиторы используют в этих произведениях для того, чтобы передать глубокие чувства, связанные с воспоминаниями о молодости души, о счастье, о радостном и о грустном. Или с тем, чтобы показать эту музыку в драматическом несоответствии с иными — враждебными — силами, с иным — дисгармонирующим — началом. В музыке симфонической (и фортепьянной) становится важной уже не самая танцевальность вальса, а возможность передать через нее богатый душевный мир, богатый душевный опыт, обратившись к известной и доступной форме, способной вместить огромное лирическое содержание.

Слушаешь эти музыкальные пьесы и слышишь в них и самый вальс и как бы поэму о вальсе, воспоминание о нем; словно вальс является здесь сквозь дымку времени, словно он уже когда-то звучал и продолжает звучать, не теряя ничего в своей неповторимой свежести и новизне. И первый в этом ряду в русской музыке «Вальс-фантазия» Глинки — не танец, а скорее опоэтизированный образ русского вальса, обобщение вальсовой музыки, показ безграничного числа тончайших оттенков чувств, которые можно в нем воплотить.

Продолжая традиции Глинки,

Чайковского, Глазунова, Хачатурян тоже создал не просто вальс, а как бы его «портрет», обобщение романтической вальсовости, ее «квинтэссенцию», схватил здесь самую суть романтической музыки, «изобразил» ее, не боясь ни густоты красок, ни преувеличения страстей. Он словно сказал этим: «Вот какой вальс должен был написать современник, если бы в русской музыке того времени был композитор одного направления с Лермонтовым! Вот каким представляю я себе подлинный романтический вальс, какими видятся мне поэзия Лермонтова и характер его Арбенина! Я пишу их красками двадцатого века!»

И вот этой способностью не только написать вальс, но **рассказать в нем о времени**, передать в нем характер и столкновения страстей — этим-то и похож хачатуряновский вальс на «Вальс-фантазию» Глинки. И, может быть, самое удивительное, что это проникновение в особенности русского романтизма, в глубины русской поэзии удалось музыканту, рожденному на Кавказе и — это известно всем! — принесшему в советскую музыку ослепительную звуковую палитру, певучие мелодии и четкие танцевальные ритмы Армении. Объяснение этого музыкального перевоплощения следует, мне думается, искать и в биографии Арама Хачатуряна и в особенностях советской музыкальной культуры.

3

Во-первых, не одной Армении! Органически связанный в творчестве с армянским танцем и армянской народной песней, Хачатурян, если можно применить подобное выражение, свободно говорит в музыке на трех языках. Такие примеры бывали именно в Закавказье.

В XVIII веке в Тбилиси жил знаменитый ашуг, известный под именем Сая́т-Нова́, слагавший свои песни на трех языках — армянском, грузинском, азербайджанском. Сын армянина-ремесленника, он стал ткачом, но песни его прославили, и одно время он был придворным поэтом грузинского царя Ираклия II.

Саят-Нова погиб в 1795 году при сожжении Тбилиси войсками персидского шаха, но песни его живут поныне; имя Саят-Новы чтят народы всего Закавказья. Песни Саят-Новы — сложный сплав фольклора трех закавказских народов.

Арам Ильич Хачатурян тоже родился в Тбилиси (точнее, в Коджори, над городом). Родился в семье армянина-ремесленника. Это было в 1903 году. Первые его музыкальные впечатления — тбилисский фольклор: песни грузинские, армянские, азербайджанские, которые испокон веков звучат в этом городе. Первый виденный им в жизни музыкальный спектакль — «Абесалом и Этери», опера замечательного грузинского композитора Захария Палиашвили.

Если внимательно вслушиваться, не одни армянские темы звучат в произведениях Хачатуряна. В них сказался богатый запас мелодий и интонаций, бытующих в Закавказье. Так, в балете «Гаянэ» лезгинка определенно грузинская. Азербайджанские мелодии звучат в «Танцевальной сюите», в «Трио для кларнета, скрипки и фортепьяно». И это совершенно понятно: до восемнадцати лет Хачатурян прожил в Тбилиси. Из Тбилиси выезжал в Кахетию, в Азербайджан. В Армению же попал зрелым человеком и сформировавшимся музыкантом. Поэтому, говоря об источниках его музыки, следует видеть в ней сплав трех музыкальных культур: армянской, грузинской, азербайджанской.

Самое удивительное — до девятнадцати лет Хачатурян не учился музыке и не знал нот. Правда, он играл на трубе «теноре» в военном оркестре. Однако легко обходился без нот, ибо в популярном в ту пору «Егерском марше» играл на своей трубе только одну ноту — соль... соль... соль... Играл на ударных в ансамбле народных инструментов. Впрочем, это тоже не требовало знания нотной грамоты: вся народная музыка, как известно, воспроизводилась и создавалась на слух. Но то, что усвоил Арам Хачатурян, слушая народные песни, звучание инструментов народных, отзывается теперь в его концертах, симфониях и балетах, определяет характер его композиций, их ритмическую и мелодическую основу.

В 1921 году он уехал в Москву, к старшему брату, Сурену Хачатурову, режиссеру первой студии МХАТа, и поступил на биологическое отделение университета. Любовь к музыке взяла, однако, свое, и в следующем году Арам Хачатурян пришел в музыкальное училище Гнесиных. А двенадцать лет спустя имя его было занесено на мраморную доску у входа в Малый зал Московской консерватории, которую он окончил с отличием по классу композиции профессора Н. Я. Мясковского.

Все, что создал Хачатурян в последующие двадцать пять лет, отмечено печатью высокого таланта и удивительного своеобразия.

Если бы можно было оперировать в журнале звуками, следовало бы процитировать из его музыки то, что живет постоянно в памяти, сливаясь в одно собирательное понятие: Хачатурян. И первую часть скрипичного концерта, когда оркестр громко, в унисон провозглашает начало и пошел трудиться смычок, совершая крутое восхождение, весело и легко пританцовывая, перепрыгивая синкопами через препятствия. И мотив грузинской уличной песенки из второй части концерта для фортепьяно с оркестром, и танцевальные эпизоды третьей, вызывающие в памяти «Танец с саблями», и другие пляски из «Гаянэ», но похожие на них лишь настолько, насколько бывают похожи друг на друга представители одного народа. И великолепные, сочные фрески из музыки к «Спартаку» — упругие ритмы, радующие сердце, роскошные, плотные звучания оркестра. И нежно-горькую тему третьей части Второй симфонии, родившуюся из песни, которую певала когда-то в давние годы мать композитора, склоняясь над открытыми ящиками комода,— тему, зачинающую эпическое повествование о пожарах, сражениях и скорбях в предчувствии ослепительной победы... Какое во всем этом разнообразие ритмов, гармонических красок, как богат и пышен оркестровый убор, как свеж и сочен каждый оборот, необходима каждая частность!

В музыке Хачатуряна пленяют свобода мысли и свобода импровизации. Кажется, что в его натуре живет непосредственность народных певцов, не стесненных понятиями о «правилах». Но стоит присмотреться, вернее, вслушаться, и становится окончательно ясно, что каждый такт соображен и продуман с великим искусством и большой обстоятельностью и заключает в себе множество смелых находок.

Хачатурян не боится «жестких» и резких звучаний. Опыт его да и многих других композиторов — русских, грузинских, азербайджанских—уже доказал, что любой, даже ненатренированный слух легко воспринимает сложные и жесткие обороты, когда движение ведет широкая и свободная мелодия, когда слушатель пленен властным ритмом. Все ярко у него, у Хачатуряна, все самобытно, глубоко современно и демократично в самом высоком значении этого слова.

«Русский Восток», образ которого в мировой музыке создали русские композиторы, последние четыре десятилетия красноречиво говорит за себя сам в творчестве композиторов Грузии, Армении, Азербайджана, среднеазиатских республик... И сочинения Арама Хачатуряна — одно из чудес этого нового, социалистического Востока, который теперь сам создает свой образ в мировой музыке и, оставаясь самим собою, способен вдохновляться жизнью, стихом, песней другого народа.

4

Передовой русской культуре, к которой приобщился Хачатурян на первых же ступенях своей творческой жизни, свойственна широта интересов и великая способность постигать черты и характер других культур и народов. Национальная ограниченность была чужда ей всегда. Вот почему, создавая русский национальный характер в «Евгении Онегине», в «Борисе Годунове», «Капитанской дочке», «Русалке», Пушкин вводил в то же время в поэзию финна, цыган, татар, грузин, калмыков, черкесов, Испанию (в «Каменном госте»), Италию (в «Анджело»), Англию (в «Пире во время чумы»), Австрию (в «Моцарте и Сальери»), Германию (в «Сценах из рыцарских времен»), Францию (в «Арапе Петра Великого»), эпос славянских народов («Песни западных славян»), Соединенные Штаты Америки (очерк «Джон Теннер»), интересовался Камчаткой, Китаем... Ни одна из культур Запада не проникла в существо других культур и характер других народов так глубоко, как сумели постигнуть характеры всех народов лучшие люди России — в литературе, в искусстве.

Разве не шел по этому же пути Глинка, когда писал «Арагонскую хоту», венецианскую баркаролу, польскую мазурку и краковяк, вводил в «Руслана» мелодии не только народные русские, но и арабские, персидские, татарские, финские и кавказские?! «Восток» в русской музыке — это не условный Восток Верди или Сен-Санса (хотя и они пользовались подлинными восточными мелодиями). Когда оркестр казахских народных инструментов имени Курмангазы исполняет огненные казахские пляски и вы узнаете в них ритмы и обороты «Половецких плясок» Бородина, вы понимаете, как глубоко проник русский композитор в самую суть половецкой степи, если сумел обнаружить сродство между мелодиями половцев и казахов — сродство, которое научно обнаружено было уже после него!

Что ж удивительного, что ученик продолжателей традиций Бородина и других «могучих кучкистов» — ученик композиторов М. Ф. Гнесина и Н. Я. Мясковского, вращавшийся с первых шагов своей московской жизни в кругу актеров Художественного и Вахтанговского театров,—Хачатурян глубоко усвоил широту творческих принципов русских актеров и музыкантов и, оставаясь на почве фольклора Армении и Закавказья, научился «входить в образ», «вживаться» в явления других национальных культур, изображать их не внешне, декоративно, а постигать изнутри.

Вот почему, когда художественный руководитель Вахтанговского театра Рубен Николаевич Симонов обратился к Хачатуряну с предложением написать музыку к «Маскараду», Хачатурян, уже зрелый и прославленный мастер, встретился в тот же вечер со своим любимым учителем Николаем Яковлевичем Мясковским. И у них зашел разговор о Лермонтове, о романтической драме, о музыке той поры. Мясковский положил на диван партитуру «Вальса-фантазии» Глинки, которую захватил с собой. А вскоре родилась та самая музыка, которая, теперь уже кажется, существовала всегда: словно на качании высокой волны начинается суровое, бурное звучание оркестра, которое захватывает вас сразу. Внезапно. Без подступов. С первого такта. С первого раза. И навсегда...

ОЛЕГ ПОПОВ

Веселье вспыхивает в цирке, когда на арене появляется Олег Попов. Кажется, что манеж наполнился ярким солнечным светом и излучает его смешная фигурка с копной белых волос, торчащих из-под огромной клетчатой кепки. Наверное, поэтому к Олегу Попову так прочно пристало прозвище «Солнечный клоун».

Посмотрите на маленькую Наташу во время выступления Олега Попова.

Б. ЖУТОВСКИЙ, Ю. КРИВОНОСОВ

ЧЕТЫРЕ ГОДА, ПЯТЬ КОЛЕЦ...

Лев **КАССИЛЬ**

Говорят, что февральское небо Калифорнии в ясные дни не уступает по чистоте и синеве своей лазурному небу Италии. Не знаю, право... В Италии мне бывать доводилось не раз. Красота ее неба от Неаполитанского залива до снежных и багряных вершин Доломитовых Альп запомнилась навсегда. В Калифорнию же мне заезжать пока не случалось. Но, как, вероятно, и многие другие любители спорта, я не прочь был бы своими глазами увидеть все, что скоро разыграется под небом, к которому поднялись громады Сьерра-Невады...

Уверен, что в новогоднюю ночь, в ту минуту, когда каждый загадывает для себя что-то на год грядущий, не только мои друзья-спортсмены, но и верные их почитатели, «болельщики», среди многих других желаний загадают на 1960 год: увидеть небо Калифорнии над олимпийской лыжней в горах Сьерра-Невады, услышать непосредственно, как звенят коньки, как стучат клюшки на льду Скво Вэлли.

1960 год — большой и особый год в международном спортивном календаре. Известно, что раз в четыре года, сперва зимой, а через несколько месяцев летом, сплетаются пять символических колец, знаменуя спортивное единение пяти континентов нашей планеты. И факел со священным огнем, принесенным из древнего греческого селения Олимпия, зажигает светильник там, где в избранной точке земного шара, движимые дружбой и здоровой жаждой соревнования, сходятся, чтобы померяться силами, доблестной ловкостью и искусством, молодые люди всех частей света, всех наций, языков, верований и воззрений.

1960 год — год олимпийский! Традиционный факел внесут сначала в феврале на арену нового Дворца спорта, специально построенного на высоте в две тысячи метров в Скво Вэлли, расположенном в горах Сьерра-Невады, километрах в 200 от Сан-Франциско. А затем, летом, священный огонь загорится в огромной чаше светильника над Олимпийским стадионом в Риме. И надо думать, что в любом доме, обитатели которого уже стали на лыжи или еще не сошли с них окончательно, везде, где любят полной грудью вдыхать пахучий морозный воздух и ощущать радостное сердцебиение при звуках учащенного ритмического касания стальных лезвий о лед,— там повсюду в новогоднюю ночь, поднимая тосты за наши успехи в новом году, за мир на земле и в небе, приверженцы спорта поднимут тост и за успехи наших любимцев под калифорнийским и итальянским небом.

Вот они, эти пять цветных олимпийских кругов!.. Новый, 1960 год как бы окольцован ими. Радужной цепочкой сомкнулись они над моим рабочим столом, на памятном дипломе, любезно присланном Международным олимпийским комитетом после «Белой Олимпиады» 1956 года.

В спортивном жаргоне есть ходячее выражение, которое, позволю себе надеяться, не очень уж оцарапает слух строгих блюстителей чисторечения... Когда возникает спор о возможных результатах каких-либо предстоящих состязаний и знатоки строят всякие предположения, выражаются иной раз так: «Ну, на этой дистанции нам «не светит». А вот поглядим, что нам «светит» на средней»... Сейчас миллионы «болельщиков» уже заняты сложными выкладками и пытаются угадать, какие победы советских спортсменов, освещенные олимпийским огнем в Скво Вэлли, могут озарить и без того славные спортивные знамена наши, а где нам, возможно, сейчас еще «не светит»...

Мы с большим интересом читаем высказывания наших уважаемых и заслуженных тренеров, прислушиваемся к тому, что говорят и как чувствуют себя те, кто сам выйдет на олимпийскую ледовую дорожку, на зеркало хоккейного поля или лыжню в Скво Вэлли, чтобы решить спор сильных, быстрых, умелых. Но кто может точно предсказать итог столь серьезного, разностороннего и многолюдного состязания, какое представляют собою олимпийские игры, летние или зимние? И напрасно некоторые зарубежные мудрецы, облекаясь в мантии астрологов, пытаются сегодня составлять гороскопы по своим и чужим спортивным «звездам». Все эти расчеты могут пойти прахом... белым прахом на самой лыжне или, выражаясь столь же условно, провалиться на ледовой глади.

Однако хотя бы примерно прикинуть силы и определить свои возможности каждая команда, вступающая в олимпийские зимние игры, конечно, обязана. Почему же не взвесить свои шансы и нашим зимним «олимпийцам»?

Четыре года прошло с того памятного февральского вечера, когда над полированными деревянными трибунами стадиона в Кортина д'Ампеццо медленно погас олимпийский огонь и волшебный фейерверк забушевал над гребнями Доломитов. С тех пор в международном спорте было немало событий. За эти четыре года одни «звезды» уже зашли за горизонт, другие поднялись в зенит, третьи только что зажглись на спортивном небосклоне... Было немало новостей и в нашем, советском зимнем спорте. Иногда то были радостные, весьма обнадеживающие новости, а иной раз они доставляли огорчения. Спорт на то и спорт, что он не позволяет оставаться на месте, успокаиваться на достигнутом, жить на готовеньком. Он требует беспрестанного движения вперед, постоянного самосовершенствования. Малейшая успокоенность приводит к поражению.

Но, откровенно говоря, у нас сейчас в некоторых областях зимнего спорта нет особенных оснований для самоуспокоенности. Прошлогодний сезон международных встреч на льду, грубо говоря, «не светил» нам. После многих лет безоговорочного и блистательного господства на льду нашим «королям» ледяной дорожки пришлось уступить свои короны. Как известно, мировую завоевал финн Ю. Ярвинен, а всеевропейскую — норвежец К. Юханнесен.

Как мы поздравляли четыре года назад Е. Гришина, когда он показал при нас на льду озера Мизурина в Кортина д'Ампеццо рекордное время на полторы тысячи метров! Но в прошлом году Ю. Ярвинен превзошел этот результат и установил новый мировой рекорд... Что говорить, были неприятности!.. Но все это не дает никаких оснований, чтобы махнуть рукой на золотые медали и уже не рассчитывать на новые решающие победы наших конькобежцев в предстоящих зимних олимпийских играх. Вспомним-ка отличное выступление на льду в том же Скво Вэлли совсем молодого спринтера Г. Воронина, сумевшего поделить второе-третье места с опытным американцем Б. Диснеем на пятьсот метров, или феноменальный результат скромного омского студента Николая Штельбаумса, который превысил рекорд знаменитого Андерсена на десять тысяч метров.

И уж, конечно, можно с твердыми основаниями ждать нового международного успеха наших непобедимых скороходок, которые впервые выйдут на дорожку, освещенную олимпийским огнем: в программы прежних «Белых Олимпиад» не включали состязания женщин по скоростному бегу на коньках. А не следует забывать, что в борьбе за первенство мира, разыгранной прошлой зимой в Свердловске, чемпионкой мира стала Т. Рылова; за ней три места заняли последовательно В. Стенина, Л. Скобликова, И. Артамонова, бывшая чемпионкой мира в предыдущем году.

Вероятно, до предела захватывающими будут события на олимпийской лыжне... Там, по всей видимости, предстоит жестокая борьба. Я помню изумительную выдержку Вейко Хакулинена, его могучий ход на лыжне в Кортина д'Ампеццо. Помню, как восторженно качали его благодарные соотечественники и побежденные соперники. Казалось, что маститый лыжник взлетит вот-вот выше Доломитовых скал. Однако впоследствии с этим грозным противником встретился уже на уральской лыжне, в Свердловске, наш олимпийский чемпион Павел Колчин. И Вейко Хакулинен уступил ему победу. Это повторилось и на прошлогодней прикидке в Скво Вэлли, где на пятнадцатикилометровой дистанции Колчин снова вырвал победу у Хакулинена. У Павла Колчина имеется вполне реальная возможность завоевать и в 1960 году по крайней мере еще одну золотую олимпийскую медаль.

С надеждой проводим мы на калифорнийскую лыжню молодых наших лыжников Леонида Емелина и Владимира Маринычева. Они мужественно боролись за право выйти на эту лыжню. У них были успехи, были и поражения... Но надо надеяться, что неудачи на горе Холменколлен в Норвегии, где молодые лыжники выступали хуже обычного, были приняты ими как жестокий, но полезный урок, который научил их более расчетливо выкладывать свои силы на дистанции лыжного марафона. И сегодня эти талантливые молодые лыжники имеют все для того, чтобы по крайней мере держать.

«Светит» нам олимпийский огонь и на лыжне, где будет разыгрываться включенный в олимпийскую программу «биатлон». Это очень интересный и своеобразный комплекс состязаний. Снег и порох — бег на двадцать километров и стрельба с четырех промежуточных рубежей. На чемпионате мира 1959 года, который проводился в Итальянских Альпах, личное первенство завоевал советский биатлонист В. Меланин. Да и командная победа досталась нашим спортсменам.

А прошлогодняя победа во время прикидки в Скво Вэлли нашего двоеборца Дмитрия Кочкина, ставшая подлинной сенсацией! Разве не дает она права надеяться, что и в этом состязании, включающем бег на пятнадцать

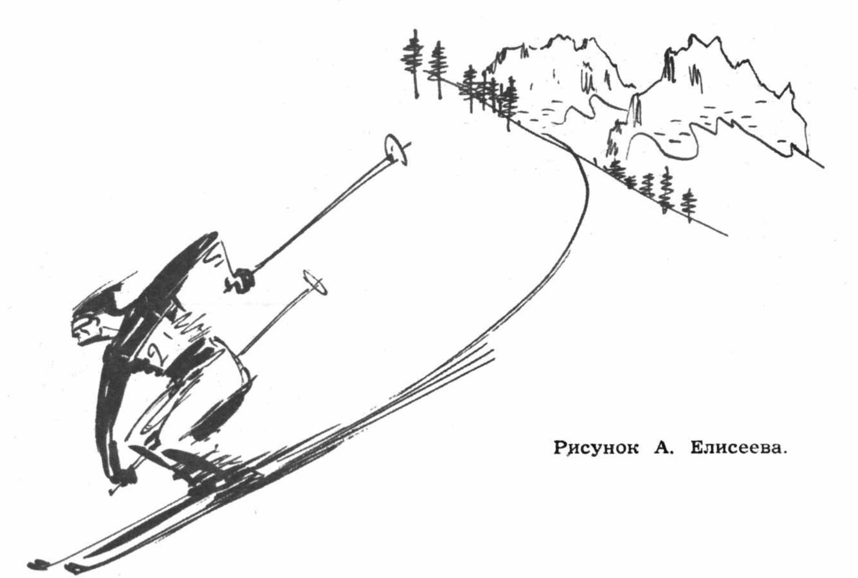

Рисунок А. Елисеева.

километров и прыжок с трамплина, зарубежным спортсменам нелегко будет оттеснить наших лыжников с первых мест?

И если четыре года назад мы не могли рассчитывать серьезно на большой успех в прыжках с лыжного трамплина, то сегодня наши прыгуны уже делают заявку на призовые места в Скво Вэлли. Достаточно хотя бы назвать такого отличного и смелого спортсмена, как Н. Каменский, который разделил на соревнованиях в Холменколлене со шведом Лундтом второе — третье места по прыжкам. Хотелось бы только пожелать нашим мужественным прыгунам, чтобы они так же хорошо «держались за землю», как за воздух. Как часто в Кортина д'Ампеццо мы хватались за голову, видя, что после блистательного парения в воздухе наш лыжник, уже приземлившись, не может удержаться на ногах и летит кувырком в снежной пыли!.. Сейчас как будто с этим пороком наши мастера начинают справляться.

Ну, а теперь хоккей! Мне никогда не забыть тех часов, когда нас бросало то в жар, то в холод на обогреваемых особыми рефлекторами трибунах Олимпийского стадиона в Доломитовых Альпах, где мы с волнением следили за искрометными схватками на ледяном поле. Победителями их выходили неизменно хоккеисты Советского Союза. Помню, что и шведов, и американцев, и уж, конечно, канадцев победить было совсем не легко. Но с удивительной слитностью, никак не мешающей играть гибко и разнообразно, сражался советский коллектив ледовых рыцарей за право выйти в последние минуты «Белой Олимпиады» на вышку почета, озаренную бессонным пламенем олимпийского светильника, поднятого к ночному итальянскому небу.

И какие же могут быть основания думать, что то была лебединая песня советского хоккея?

Правда, за эти годы наши хоккеисты доставляли нам не раз ощутительные огорчения. После ухода с ледяного поля таких грозных и прославленных мастеров, как Бобров и Бабич, в рядах советских хоккеистов образовалась на некоторое время существенная брешь. Молодежь, заполнившая ее, не сразу, конечно, освоилась с жесткими требованиями, которые предъявлялись ей в международных играх. Не знаю, согласятся ли со мной специалисты, но мне кажется, что игры, которые я имел тоже возможность наблюдать недавно уже на льду этой зимы, в какой-то мере вселяют отрадные чувства, рождают ощущение, что молодежь окрепла, осмелела, стала действовать увереннее и тоньше. Думаю я также, что нашим хоккеистам после легких игр с американцами очень полезно было проиграть первую встречу шведам. Это был своевременный и вразумляющий холодный душ, который для слишком горячих голов небесполезен и на льду... И следующая же игра с могучими шведами, когда скандинавские исполины оказались буквально разгромленными советской командой, еще раз показала, какими неисчерпаемыми и мощными возможностями располагает советский хоккей. Надо только пожелать, чтобы в игре наших хоккеистов на поле в Скво Вэлли отвага не переходила в неосмотрительность, а быстрота—в суматоху и чтобы парни наши не трепетали от «пафоса дистанции», а били по воротам с дальнего расстояния чаще и точнее... И тогда даже всемогущим канадцам трудно будет оградить свои ворота от сокрушительного натиска нашей команды.

Но, как уже было сказано выше, все эти прогнозы и предположения пока что вилами на воде писаны. А вот что будет записано коньками на льду и лыжами на снегу и внесено судейским пером в протокол, это мы узнаем тогда, когда от календаря можно будет перейти к секундомеру, от взглядов на будущее — непосредственно к биноклю, от разноречивых слухов — к сообщениям радио со стадиона в Скво Вэлли.

С абсолютно твердой уверенностью сегодня можно сказать лишь об одном: тот дух прочного, веселого спортивного братства, который вносили советские спортсмены в атмосферу Доломитовых Альп, вызывавший восторг и всеобщее уважение четыре года назад, обеспечит им любовь, признание и популярность среди всех, кто слетится на олимпийский огонь в Скво Вэлли, чтобы еще крепче закалить в нем пятицветную кольчугу дружбы. Но, конечно, что тут скрывать, очень хочется, чтобы и к небу Калифорнии, какого бы оттенка оно ни было, почаще бы поднимался над пьедесталом почета наш флаг, цвет которого четыре года назад так хорошо компоновался с румяными скалами Доломитов. И чтобы с трибун в адрес наших олимпийцев несся то и дело клич, рожденный нами, болельщиками, на стадионе Кортины: «Мо-лод-цы!..»

ОТЧАЯНИЕ ИЛИ НАДЕЖДА?

Р. ЮРЕНЕВ

Капитан американской подводной лодки Дуайт Л. Тауер—Грегори Пек. Мойра — Ава Гарднер.

...Пронеслась атомная война, и земля опустела. Человечество уничтожило себя. Только в Австралии сохранилась жизнь, но и туда неуклонно движутся смертоносные облака; их нельзя отвратить ни наукой, ни молитвой.

Леденящие душу эпизоды я видел в американском фильме «На берегу», показанном одновременно на общественных просмотрах в крупнейших столицах мира.

«На берегу» можно перевести и как «Без выхода», «В безвыходном положении». Фильм поставлен режиссером Стэнли Кремером по роману австралийского писателя Невиля Шюта.

Что же это: раздувание атомного психоза или протест против новой войны? Кошмарный гиньоль для щекотания истрепанных нервов или страстная проповедь пацифизма? Проклятие современной науке или призыв к человеческому разуму? Отчаяние или надежда?

Не сразу мог я ответить себе на эти вопросы.

Фильм оставил сильное и мучительное, странное и противоречивое впечатление.

Профессор Осборн — Фред Астер.

Я знал, что режиссер Стэнли Кремер молод, что он борется против растленности, стандартности, продажности киноискусства. Что его предыдущий фильм рассказывал, как бежали с каторги белый и негр, скованные общими кандалами, как дружба и долг победили расовую ненависть, эгоизм, трусость. Но я знал также, что в романе Невиля Шюта были грубые и несправедливые выпады против социализма, что выводы романа были реакционны, пессимистичны.

В фильме ничего этого нет. Там звучат даже слова об ответственности за будущее человечества. Но противоречий немало и в фильме.

Его главный герой — капитан американской атомной подводной лодки, которая находилась под водой во время уничтожившей человечество катастрофы и в поисках живых прибыла в Австралию. Один из лучших американских киноактеров, Грегори Пек (мы видели его в «Римских каникулах»), играет капитана в сдержанной, реалистической манере, впечатляюще подчеркивая мужество, благородство, обаяние и человечность своего героя. Артист Антони Перкинс тоже очень хорошо играет молодого австралийца, лейтенанта Питера Холмса. Это любящий отец и муж, перед лицом неминуемой гибели он сохраняет спокойствие, любовь, доброту. Симпатичны и рядовые американские моряки: простые, сильные ребята. Зато в образах, создаваемых знаменитой актрисой Авой Гарднер и известнейшим в свое время танцовщиком Фредом Астером, мало привлекательного. Это персонажи своеобразного «пира во время чумы». Она, праздная, пьяная и распутная, разменивавшая жизнь по пустякам, перед смертью ищет сильного чувства. Он, ученый-физик, путается в поисках виновников катастрофы и, чувствуя ответственность ученого-атомщика, тоже пытается найти забвение. Но авторы фильма не осуждают этих героев...

Лейтенант Питер Холмс — Антони Перкинс. Мери — его жена — Донна Андерсон.

Режиссер очень талантлив. Он проявил и фантазию, и вкус, и такт. Нигде не опустился до запугивания зрителя картинами разрушений, трупов, паники, как, например, авторы японской противоатомной кинокартины «Годзилла». Но ни одного своего героя Стэнли Кремер не наделил отчетливым пониманием причин катастрофы, верой в человеческий разум, волей к борьбе. Даже мужественные моряки проникнуты фатализмом.

Что же хотел свершить режиссер своим фильмом: призвать к борьбе или утешить обреченных?

Обняв молодую жену, молодой австралиец принимает смертоносные облатки. Ученый садится в свой любимый гоночный автомобиль и, заткнув щели гаража, включает мотор, чтоб отравиться выхлопными газами. Команда подводной лодки решает покинуть вымирающую Австралию и встретить смерть, как подобает морякам, в море или на давно уже мертвой родине...

Еще недавно шумные улицы Мельбурна опустели. Ветер тащит обрывки афиш, мусор... Ветер колышет огромный плакат.

И вот в этом завершающем кадре я нашел ответы на многие мучившие меня вопросы.

На плакате надпись: «Еще не поздно, братья!». Плакат взывает к зрителям.

Да, еще не поздно! Это и есть то главное, что хотели сказать авторы фильма. Значит, все же не отчаяние владело ими, а надежда!

И еще мне подумалось: чем больше разногласий у нас с авторами фильма, тем очевиднее значение их главного вывода. Значит, все больше становится людей, которые хотя и мыслят и чувствуют не так, как мы, но совершенно так же говорят «Нет!» войне, грозящей уничтожить человечество.

В Москву на премьеру фильма «На берегу» приехал исполнитель главной роли, известный американский киноартист Грегори Пек. На снимке: перед началом общественного просмотра в Центральном Доме кино беседуют народный артист РСФСР С. Лукьянов, Грегори Пек, его супруга Вероника Пек, лауреат Ленинской премии М. Штраух, кинорежиссер М. Донской, главный редактор журнала «Искусство кино» Л. Погожева и посол США в СССР г-н Томпсон.

Фото Е. Умнова.

ПОДУМАЕМ ПОГОВОРИМ ПОСМОТРИМ

Короткие сказки

Ф. КРИВИН

КОПИЛКА

— Учитесь жить! — наставляла глиняная Копилка своих соседей по квартире.— Вот я, например: занимаю видное положение, ничего не делаю, а деньги так и сыплются.

Но сколько бы денег ни бросали в Копилку, ей все казалось мало.

— Еще бы пятачок! — звякала она.— Еще бы гривенник!

Однажды, когда Копилка была уже полна, в нее попытались засунуть еще одну монету. Монета не лезла, и Копилка очень волновалась, что эти деньги достанутся не ей. Но хозяин рассудил иначе: он взял молоток и...

В один миг лишилась Копилка и денег и видного положения: от нее остались одни черепки.

КАРАНДАШ И РЕЗИНКА

Поженились Карандаш и Резинка, свадьбу сыграли и живут себе спокойно. Карандаш-то остер, а Резинка мягка, уступчива. Так и ладят.

Смотрят на молодую пару знакомые, удивляются: что-то здесь не то, не так, как обычно бывает. Дружки Карандаша, перья, донимают его в мужской компании:

— Сплоховал ты, брат! Резинка тобой, как хочет, вертит. Ты еще и слова сказать не успеешь, а она его насмарку. Где же твое мужское самолюбие?

А подружки Резинки, бритвы, донимают ее:

— Много воли даешь своему Карандашу! Гляди, наплачешься с ним из-за своей мягкости! Он тебе пропишет!..

Такие наставления в конце концов сделали свое дело. Карандаш, чтоб отстоять свое мужское самолюбие, стал нести всякую околесицу, а Резинка в целях самозащиты и укрепления семьи пошла стирать вообще все, что Карандаш ни напишет. И разошлись Карандаш и Резинка, не прожив и месяца.

НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Рисунок Вл. Гальба.

ХОДКОЕ ЧИСЛО

Почему в нашей речи, например, в поговорках и пословицах, особо выделяется число «семь»? Говорят: семь раз отмерь, а один раз отрежь; семеро одного не ждут; семь пядей во лбу; за семью замками; на седьмом небе; семь верст до небес; семь бед — один ответ и так далее.

А. Мослов

Ульяновск.

Член-корреспондент Академии наук СССР Борис Николаевич Делоне ответил на вопрос читателя:

— Примерно четыре тысячи лет тому назад у народов Шумера и Аккада — стран, находившихся на территории современного Ирака, были уже первые астрономические познаний. Они наблюдали на звездном небе движения пяти планет, которые вместе с Солнцем и Луной составляли семь небесных светил. Каждому из них соответствовало определенное божество. Древние ученые заметили, что лунный месяц равен двадцати восьми суткам, и разделили его на четыре равные части с тем, чтобы каждому из семи дней посвятить одно из семи божеств. Впоследствии семидневная неделя перешла ко многим другим народам и дошла до нашего времени.

Число «семь» заняло обособленное место в народных пословицах и поговорках.

ДРУЖБА С ЛАСТОЧКАМИ

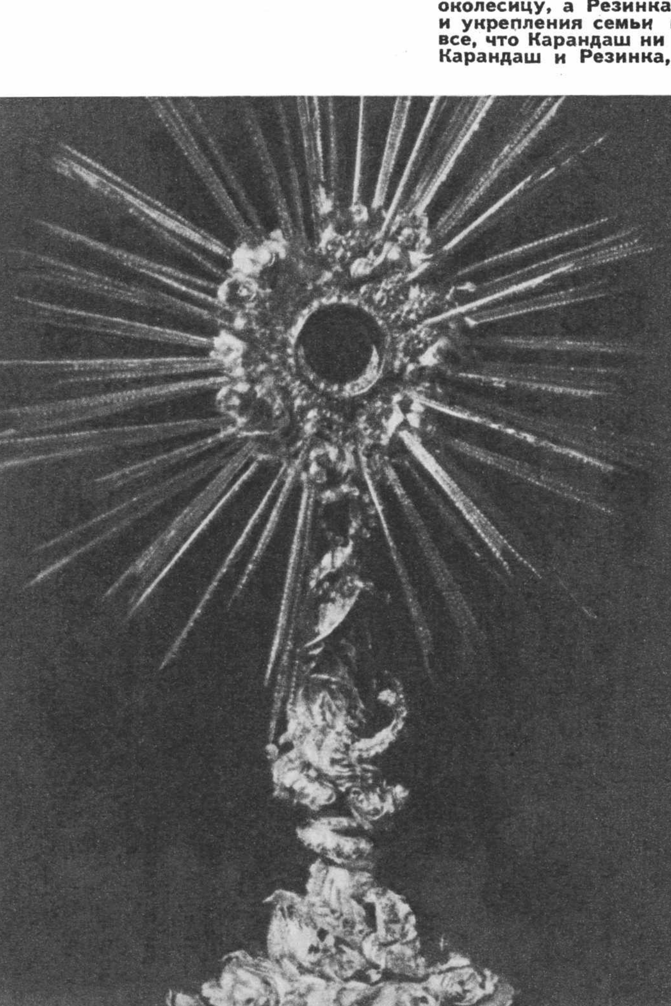
Много лет подряд под карнизом нашего дома жили ласточки. В жаркий июльский день гнездо упало и раскололось. В нем оказались четыре беспомощных птенчика. Когда же мы попробовали связать гнездо проволокой, оно рассыпалось. Медлить было нельзя. Мы взяли ящичек, положили птенцов в новое гнездо и укрепили его под карнизом. Сначала ласточки испугались необычного гнезда и первый день летали с криком вокруг. Но уже на второй день стали носить корм птенцам, а на третий ночевали в гнезде. Так они и прожили всей семьей, пока не подросли птенцы, и в августе улетели в далекие края.

Интересно узнать, вернутся ли ласточки в наше гнездо?

В. Морозова

Село Алексеевка, Курской области.

— Это очень редкий случай,— сказал нашему корреспонденту научный сотрудник Государственного Дарвиновского музея Петр Петрович Смолин.— Еще не удавалось приучить ласточек жить в искусственных гнездах. Если птицы поселились в ящике и воспитали своих птенцов, то они, наверное, возвратятся в него весною. Надо приготовить искусственные гнездовья и для молодых ласточек, чтобы они жили по соседству с родителями. Этот опыт имеет не только практическое значение, но и научное.

6 222 бриллианта

Недалеко от Пражского кремля стоит небольшая часовня. В ней собрана замечательная коллекция сокровищ, в которой самая ценная вещь — бриллиантовая дарохранительница. Сделана она из позолоченного серебра и украшена 6 222 бриллиантами. Бриллианты отдала со своего свадебного платья одна чешская графиня, а изготовили уникальную вещь венские мастера Кюнишбауэр и Штейгнер в 1699 году.

Великолепное «солнце», сияющее лучами 52 бриллиантов, украшает дарохранительницу. Основанием ей служит изогнувшийся дракон. Самый крупный бриллиант, в 32 карата, покоится на бриллиантовом месяце.

С. КУБЕЧКА

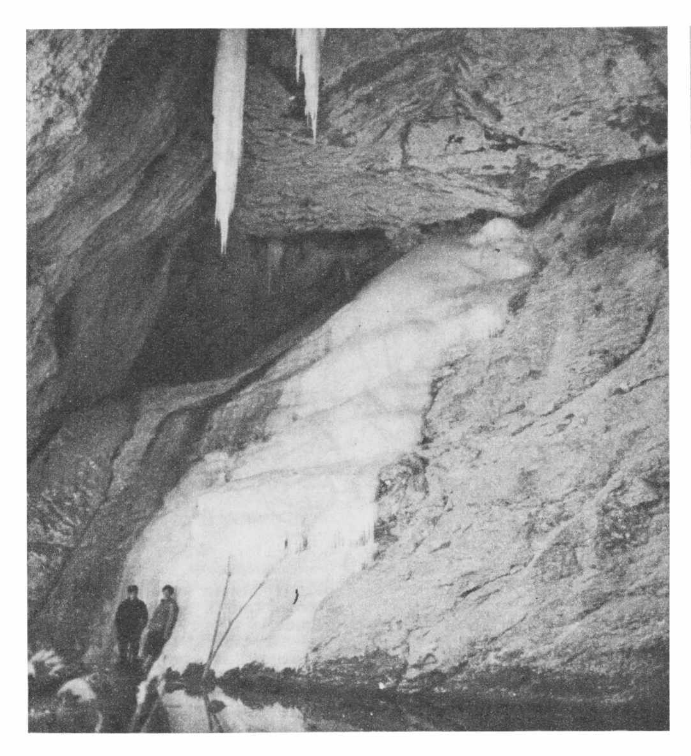
Прага.

В ЦИРКЕ

— Что вы! Удержать всю семью я не могу! Это просто рисунок напечатан вверх ногами.

Рисунок Ю. Макаренко.

Первый зал Каповой пещеры.

Рисовал первобытный человек

При упоминании пещер Фон-де-Гом, Альтамира, Кастильо археолог вспоминает чудесные изображения животных, выполненные десятки тысяч лет тому назад на территории современной Франции и Испании. В Советском Союзе до последнего времени были известны только более поздние скальные рисунки... Но вот на экране появляются фигуры животных, которые нарисовал первобытный человек, живший в районе Южного Урала. Красной охрой изображены на скале головы волка и пещерного медведя, фигура пещерного льва. На других рисунках — лошадь, олень, бизон. Снимки с этих рисунков демонстрировал кандидат биологических наук А. В. Рюмин, который докладывал ученому совету Государственного исторического музея о своих находках.

Капова пещера, где обнаружены росписи, известна давно. Расположена она на правом берегу Белой. В этом месте в нее впадает река Шульгановка, которая вытекает из пещеры. А. В. Рюмину нужно было обследовать несколько огромных подземных залов, расположенных в два яруса и соединенных туннелями. Помогали ученому наблюдатели Башкирского заповедника и охотники. Каменных орудий в пещерах не было, зато однажды исследователь нашел наскальный рисунок медведя. Во втором ярусе Рюмин обнаружил рисунки, сделанные желтой охрой.

Крупнейший специалист по изучению первобытной археологии, доктор исторических наук А. Я. Брюсов, закрывая заседание ученого совета Исторического музея, отметил огромное значение росписей, открытых в Каповой пещере.

Летом 1960 года предполагается экспедиция ученых различных специальностей для новых поисков в Каповой пещере.

Н. МЕЦ

Степная лошадь.

Пещерный медведь.

●

Нарядная утка

В нашей местности нет диких уток. И вдруг на пахоте, в пятистах метрах от тракторного отряда, приземлилась утка. Я удивился изумительной красоте ее: розовый гребень, как у петуха, голова и часть шеи черно-золотистые, грудь светло-красная с желтым отливом, спина, крылья и брюшко белые, концы крыльев светло-красные, а бока такие же черные, как и голова. Как называется эта утка?

В. Кизнер
Полудинский район, Северо-Казахстанской области.

На этот вопрос ответил нам старший научный сотрудник Зоологического музея Московского государственного университета Евгений Павлович Спангенберг:

— Эта утка называется пеганкой. Она обитает главным образом в наших южных степях, на берегах и островах морей. Свои гнезда пеганки, как и их ближайшие родичи — красные утки, устраивают в норах лисиц и барсуков, в трещинах скал.

Интересно, что в норы, занятые этими утками, не решается заглянуть лисица. Очевидно, она боится шипения, которое очень похоже на змеиное.

ТОННИ ЗНАКОМИТСЯ С ЗИМОЙ

Тонни привезли из голландского зоопарка. Она совершала путешествие по Москве, от Рижского вокзала до уголка имени Дурова, и не простудилась. Тонни даже сбросила «шубу» — огромную байковую попону, которой ее хотели укрыть.

Снег Тонни понравился. Она увидела его и попробовала еще на пути в Москву — в Бресте. Но сейчас врачи не разрешают слонихе гулять по морозу: для нее это верный туберкулез.

Новой актрисе театра зверей семь лет. У слонов это тоже возраст «первоклассника». Тонни подвижна, любит сладкое и засыпает сразу, как гасят свет. Аппетит у Тонни завидный. Особенно ей нравится овсяная каша и березовые веники.

«Добродушное животное с неустойчивым характером», — записано в «личном деле» Тонни. Что это значит? Рассердившись, Тонни может стукнуть хоботом и даже прижать к стене. Так что дрессировщику приходится все время быть начеку. Но Карел Створа надеется подружиться с Тонни и думает, что к лету она будет дебютировать перед московской детворой. Слониха уже пробует звонить в колокол, заслуживая всякий раз сахар.

Вс. Васильев

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Новогодний рассказ А. П. Чехова. 6. Столица автономной республики. 7. Остров в Баренцовом море. 8. Название первой космической ракеты. 11. Работа, деятельность. 13. Французский писатель. 14. Действующее лицо оперы «Севильский цирюльник». 16. Украинский журнал. 20. Зимняя одежда из шкур. 22. Балет С. Прокофьева. 23. Цветник. 25. Персонаж пьесы В. Маяковского. 27. Минерал, поделочный и облицовочный камень. 29. Круглый хлеб. 30. Площадка в цирке. 31. Растение с раскрывающимися при прикосновении плодами.

По вертикали:

1. Кинокартина. 2. Кошачий медведь. 4. Комедия Мольера. 5. Океанографическое судно. 9. Спутник Юпитера. 10. Русская пляска. 12. Танцевальная музыка. 13. Окраска небесного свода. 15. Приток Ангары. 17. Засахаренный плод. 18. Новый ледокол. 19. Подножие колоннады. 20. Спор. 21. Канал оросительной сети. 24. Предмет, доставленный ракетой на Луну. 25. Птица шестого материка. 26. Элемент крыла самолета. 28. Распорядитель пира. 29. Искусственное волокно.

●

ОТВЕТ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали:

3. Калория. 7. Лаборатория. 10. Водолей. 11. «Далибор». 15. Лоза. 16. Альбатрос. 19. Азия. 20. Гальваностереотипия. 21. Гюго. 22. Кабельтов. 26. Ишим. 27. Отметка. 28. Просека. 30. Циолковский. 31. Окинава.

По вертикали:

1. Каротель. 2. Динозавр. 4. Опал. 5. Патока. 6. Сириус. 8. Тональность. 9. Ботанизирка. 12. Романюк. 13. Пастель. 14. Никитин. 17. Линза. 18. Озеро. 22. Кредит. 23. Буколика. 24. Тарасова. 25. Веснин. 29. Горн.

Уникальное имя

В № 17 нашего журнала за прошлый год было опубликовано название озера в 42 буквы. Читатели интересуются, действительно ли американские индейцы употребляли столь длинные слова.

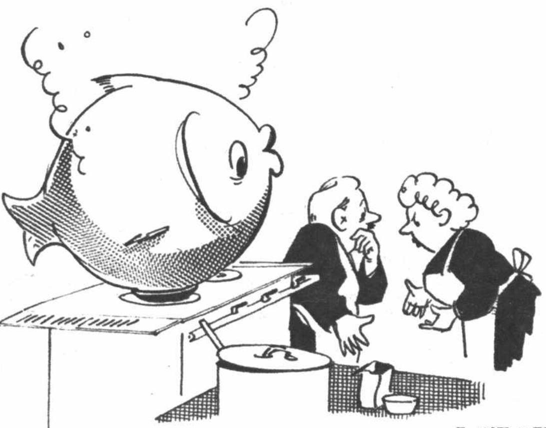
Кандидат географических наук Ю. В. Медведков подтвердил это. Для примера он привел любопытное сообщение немецкого журнала «Космос», опубликованное в сентябре 1959 года. В конце прошлого столетия, говорится в журнале, в американском штате Висконсин умер вождь одного из индейских племен. Ни один мастер не смог уместить его имени на надгробном камне. Оно было чересчур длинным — в 122 буквы.

Вождя звали Леподотемачоселачогалеоокраниолеипсанотриумупотримматосифиопараомелитокатакецлумменокичлейпкоссуфофаттоперистералектруонопп.

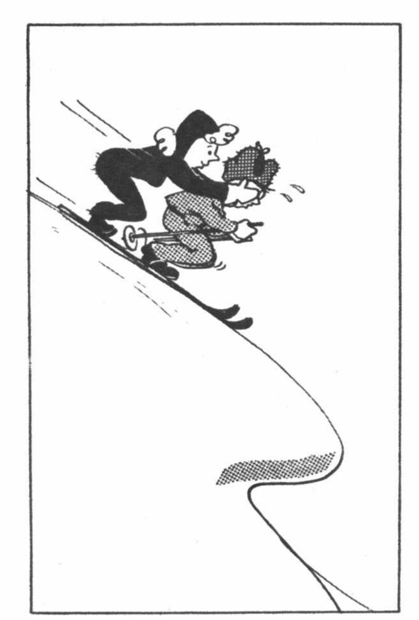

— БЕЗОБРАЗИЕ! ОПЯТЬ НЕ ПРОЖАРЕНО!
Рисунок И. Сычева.

— Я ЖЕ ТЕБЕ СКАЗАЛА: ПЕРЕЦ — В РЫБУ, А ДРОЖЖИ — В ТЕСТО.
Рисунок М. Ушаца.

— Нина?
— Нет.
— Валя??
— Нет.
— Лена???
— Нет.

Рисунок М. Ушаца.

КЛЮНЕТ?..
Рисунок Вл. Гальба.

Азиз НЕСИН

Рисунок Б. Жутовского.

На работу в редакцию газеты нас поступало четверо. Первый — великовозрастный школьник-неудачник двадцати одного года от роду. Много лет подряд ему не удавалось перейти из десятого класса в одиннадцатый.

— Нет, не похоже, чтобы ты стал человеком! — заявил ему однажды разгневанный родитель.— Так будь по крайней мере журналистом!

Второй отца не имел. Его воспитывала престарелая мать, у которой он силой отнимал вдовье пособие за три месяца и проедал в три дня. Старушка не выдержала и в один прекрасный день прокляла сына:

— Мне ничего не надо! Хочу лишь, да услышит мою просьбу аллах, чтобы ты всю жизнь влачил жалкое существование!

Это были последние слова несчастной, после которых она предстала пред очи всевышнего. И тогда разум вернулся к отроку, и он сказал:

— До сих пор я ни разу не внял материнскому слову, так выполню хоть ее последнее завещание. И да возрадуется душа моей бедной мамочки!

Чтобы влачить жалкое существование, он решил стать газетным работником.

Третий из нас дважды оставался на второй год по турецкому языку, после чего решил в отместку учителю стать великим писателем.

Что касается моей персоны, я выбрал профессию газетчика как самую подходящую для моего таланта, ибо я из тех, кто везде кричит, что он мастер на все руки, хотя, в сущности, ни к чему не пригоден.

В редакцию нас взяли стажерами. Жалованья таковым не полагалось. Того из четверых, кто проявит в работе больше усердия и окажется наиболее способным, обещали зачислить в штат. Поэтому между нами разгорелось яростное соперничество.

Наконец стало известно, что одного берут в штат с окладом в шестьдесят лир. Потом, правда, выяснилось, что эти шестьдесят лир шли не из кассы газетного патрона, а из кармана папаши того самого великовозрастного школьника, который никак не мог расстаться с десятым классом. Сыночку об этом не говорили, и он думал, что получает деньги от хозяина. Автором комбинации был родитель парня, лелеявший надежду заставить сына поверить в то, что он хоть к чему-нибудь пригоден. Остальных трех вежливо выставили за дверь.

Мы собрались за столиком в кофейне и принялись ломать голову, что делать дальше.

— Вот увидите,— воскликнул вылетевший из школы за незнание родного языка,— в один прекрасный день я стану знаменитым турецким писателем!

— И я,— заявил второй,— сделаюсь известным романистом!

— А ты кем станешь? — спросили меня.

— И я тоже... заделаюсь какой-нибудь знаменитостью!

Вскоре один стал контрабандистом. Вернее, хотел им стать, но не успел: его схватили в первый же день и упрятали за решетку.

Второй нацепил фальшивую бороду и хотел ограбить ювелира, но, так как ювелирную лавку уже очистили за час перед этим, беднягу накрыли одного в пустом магазине.

И лишь я один приобрел настоящую профессию: стал вышибалой в баре. Вот как это случилось.

Я сидел в кофейне, погрузившись в грустные размышления о том, как бы набить желудок. Уже сутки у меня во рту не было ни крошки. Чувствую, со мной вот-вот случится голодный обморок.

— Что с тобой, молодой человек? — обратился ко мне сосед по столику.— У тебя без конца в животе бурчит.

Я рассказал о своих неудачах.

— Могу дать одну работенку. Справишься?

— Справлюсь. А что надо делать?

— Вышибать. Будешь вышибалой у меня в баре.

— Что это такое?

— С девяти вечера до трех утра будешь сидеть в углу бара. Если кто из клиентов начнет бузить, когда подадут счет, ты схватишь его за шиворот и поколотишь.

Чтобы вы поняли комизм этого предложения, я вкратце расскажу о себе. Я перенес ровно тридцать три болезни, из которых многие вам, наверное, известны: воспаление легких, коклюш, корь, скарлатину, дифтерит, малярию, астму и так далее. Не помню, чтобы когда-нибудь в драке меня не дубасили до полусмерти. В тот день, когда я чувствую себя более или менее сносно, у меня либо насморк, либо грипп, либо болят зубы или уши. Мой рост небольшой. На голодный желудок я вешу сорок пять килограммов.

Я сказал хозяину бара:

— Прикажите мне: «Лети по воздуху птицей, мы накормим тебя»,— я отвечу: «Хорошо, полечу!» Но побить человека я не смогу, честное слово! Меня грудной младенец может вздуть. Только опозорю ваш бар.

— Работенка как раз по тебе,— смеется бармен.— Именно для такого, как ты.

— Да разве я смогу когонибудь побить? Разве справлюсь? Мимо проедет грузовик — так я уже на землю валюсь.

— Пустяки! Делай то, что я скажу, и все будет в порядке. Вышибалам в баре сила не требуется. Прикажу: отдубась вот этого! Ты подойдешь и наставишь ему шишек.

Я подумал: «Всего-навсего получу трепку. Придется худо — закричу и сбегу. Надо познать жизнь, когда хочешь стать великим писателем».

Я принял предложение и сделался вышибалой в баре «Чин-чин». В тот же вечер патрон привел меня в свое питейное заведение и усадил на стул между оркестром и стойкой.

— Хозяин, я умираю с голоду,— сказал я.— Дайте что-нибудь перекусить в счет будущего жалованья. Ах, как есть хочется!

— Пока не заработаешь, не получишь ни крошки!

И после плотного обеда я вряд ли с кем справлюсь, а попытайся подраться на голодный желудок, так меня любой вмиг свалит на землю и умертвит.

— Сколько вы будете платить? — спросил я патрона.— И как: ежемесячно или еженедельно?

— Оплата сдельная. Чем больше клиентов поколотишь, тем больше получишь. За каждого побитого типа плачу две с половиной лиры.

Представлялась возможность быстро разбогатеть...

Грянул джаз. Бар постепенно заполнялся. Девушки хохочут вовсю, кокетничают с клиентами, кривляются, щебечут. Начались танцы. А я вот-вот лишусь чувств от голода...

Около одиннадцати часов за одним из столиков поднялся шум. Я задрожал, как осиновый лист, ибо чувствовал, что сейчас мне придется худо.

— Эй, мы что, в лесу или в темном переулке? — кричал клиент.— Грабеж при честном народе! Не стыдно за пятьдесят лир подсовывать кислую бурду вместо шампанского? Подлецы! Негодяи!

Хозяин моргнул мне.

— Что прикажете? — спросил я.

— Разделай наглеца под орех!

Из детины, которого мне предстояло разделать, можно было выкроить троих таких, как я. Я не был уверен, что дотянусь кулаком хотя бы до его живота.

— Да поможет мне небо! — прошептал я, вставая.— Аллах всемогущий, все в твоей власти!

Попыхивая сигаретой, я направился к капризному клиенту, который продолжал бушевать. Шагаю меж столиков, а со всех сторон доносится шепот:

— Вышибала идет!..

— Вышибала идет!..

Я шел, стараясь изо всех сил казаться бодрым и даже независимым, хотя знал, что мне не миновать хорошей трепки. Вот я остановился перед буяном. Как же его бить?! Я не могу дотянуться до его физиономии.

Говорю:

— А ну сядь!

Великан опустился на стул. Я ткнул ему сигаретой в переносицу. Видно, это было очень больно: буян завопил истошным голосом:

— Ма-ма-а!

— Чего орешь, эй, ты? — спрашиваю я.— Душу вышибу!

— Да разве я что говорю, братец?

— Попробуй, пикни еще раз! Или жить надоело? У-ух ты!

Дав великану оплеуху, я важно повернулся и сел на свое место.

Снова грянул джаз. Начались танцы. Немного погодя ко мне подошел хозяин бара.

— Ну, видишь, работенка легкая.

— Ради аллаха,— взмолился я,— дайте две с половиной лиры!

— Расчет потом. Если хочешь, иди к стойке, выпей чего-нибудь на две с половиной лиры.

Я подошел к стойке, выпил. Хмель тотчас ударил в голову. Тут за одним из столиков послышался крик, и я кинулся туда. На этот раз я увидел не одного, а двух скандалистов. Я дал по затрещине тому и другому.

В ту ночь я поколотил четверых. К трем утра бар опустел, и я получил семь с половиной лир.

На следующий вечер опять отправился на работу. В этот раз поколотил шестерых. Словом, теперь каждую ночь я лупцевал пьяных гуляк и получал за это деньги. Некоторые клиенты не успокаивались после двух — трех оплеух. Таких я затаскивал в подвал и дубасил палкой.

Охваченный страстью побольше заработать, я с нетерпением шарил глазами по столикам, высматривая, не начинает ли кто бузотерить. Были случаи, когда никто не скандалил, и я ничего не получал. В такие ночи стоило кому-нибудь погромче засмеяться, как я тотчас кидался к нему с возгласом:

— Эй! Что это, цирк тебе?

И избивал очередную жертву.

В этих случаях патрон выдавал не две с половиной лиры, а только одну. Но я уже настолько привык к своей работе, так втянулся в нее, что нервничал и скучал, когда мне подолгу не приходилось кого-нибудь бить.

Скажу откровенно, я иногда поражался своему бесстрашию.

Как-то ночью один из клиентов начал отчаянно буянить. Собутыльники пытались утихомирить его, но не тут-то было. Это был геркулес, человек-гора. Таких я до сих пор не колотил, и сердце мое сжалось от страха.

Я кинулся к скандалисту, пнул его ногой в живот. Он закричал. Я опять лягнул его. Он все буянил. Тогда я хватил его стулом по голове. Геркулес завыл. Вижу, так дело не пойдет. Беру ножку от стула, который развалился, и гоню буяна в подвал.

Пришлось здорово поработать. К утру я измочалил геркулеса вконец. Когда рассвело, он поднялся, и я снова потянулся к палке. Но этот тип проворно вырвал палку и накинулся на меня. Аллах всемогущий! Пальцы его — словно клещи. Чувствую, сейчас он раздавит меня, как клопа. Я закричал что было мочи. Потом лишился чувств. Что было дальше, не знаю. Три дня я лежал без сознания. Через неделю открыл глаза. Через месяц кое-как очухался. Через два месяца встал на ноги.

Прихожу в бар. Патрон кричит:

— Гроша ломаного не стоит твоя работа! Получай расчет и убирайся!

— Послушайте, хозяин, что произошло? Никак не могу понять. Восемь месяцев я честно колотил людей. Ничего подобного не случалось. В чем же дело?

— Эх, болван! — отвечает патрон.— Думаешь, это ты сам колотил скандалистов? Просто ребята хотят погулять, развлечься, а под конец дополняют удовольствие, получая побои. Что это за развлечение без побоев? Ведь если ты не поколотишь гуляку, он пойдет и начнет биться головой о стену, расквасит нос о телеграфный столб, свернет себе челюсть о камни мостовой. Настоящий вышибала бьет гуляку только тогда, когда тот развлекается. Разве можно колотить его утром, когда он пришел в себя? Болван! Благодари судьбу, что клиент не отправил тебя к праотцам!

И хозяин прогнал меня.

Будучи посвященным во все таинства профессии, я отправился в соседний бар и устроился на ту же должность.

Сейчас я, как и прежде, дополняю побоями развлечения клиентов. Но лишь только гуляки начинают трезветь, я даю стрекача.

Вчера в наше заведение заглянул мой старый хозяин. Хорошо, пришел, так веди себя чинно и благородно. Нет же, он начал шуметь и скандалить. Я впихнул своего бывшего патрона в подвал и задал ему отменную баню.

Теперь я зарабатываю приличные деньги. На днях собираюсь взять выходной и, если аллаху будет угодно, тоже славно развлекусь вечерком.

Перевел с турецкого
И. ПЕЧЕНЕВ.

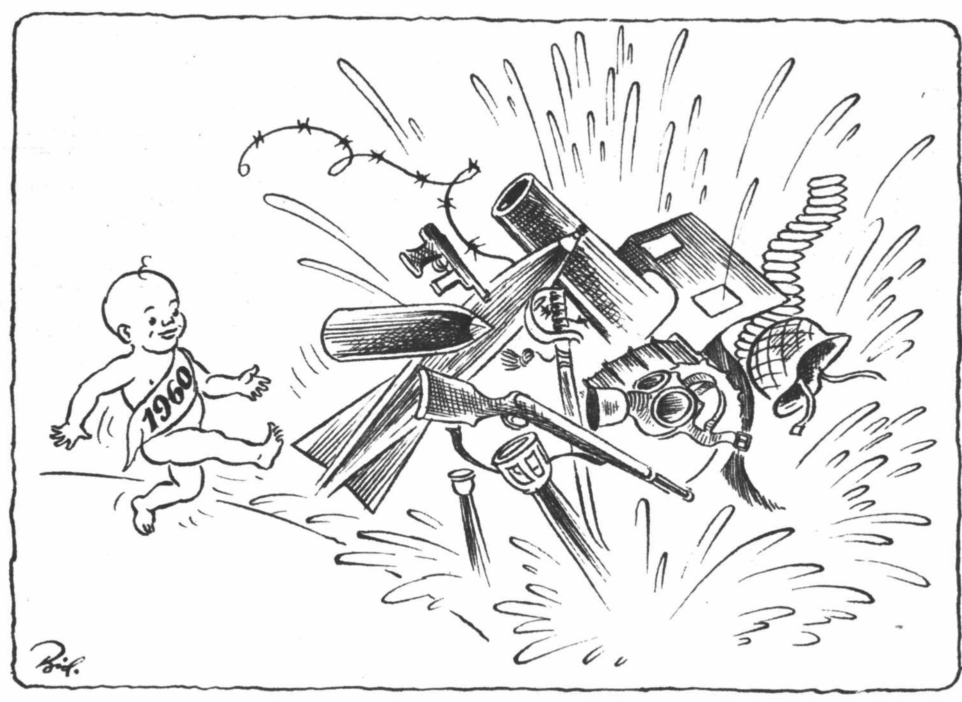
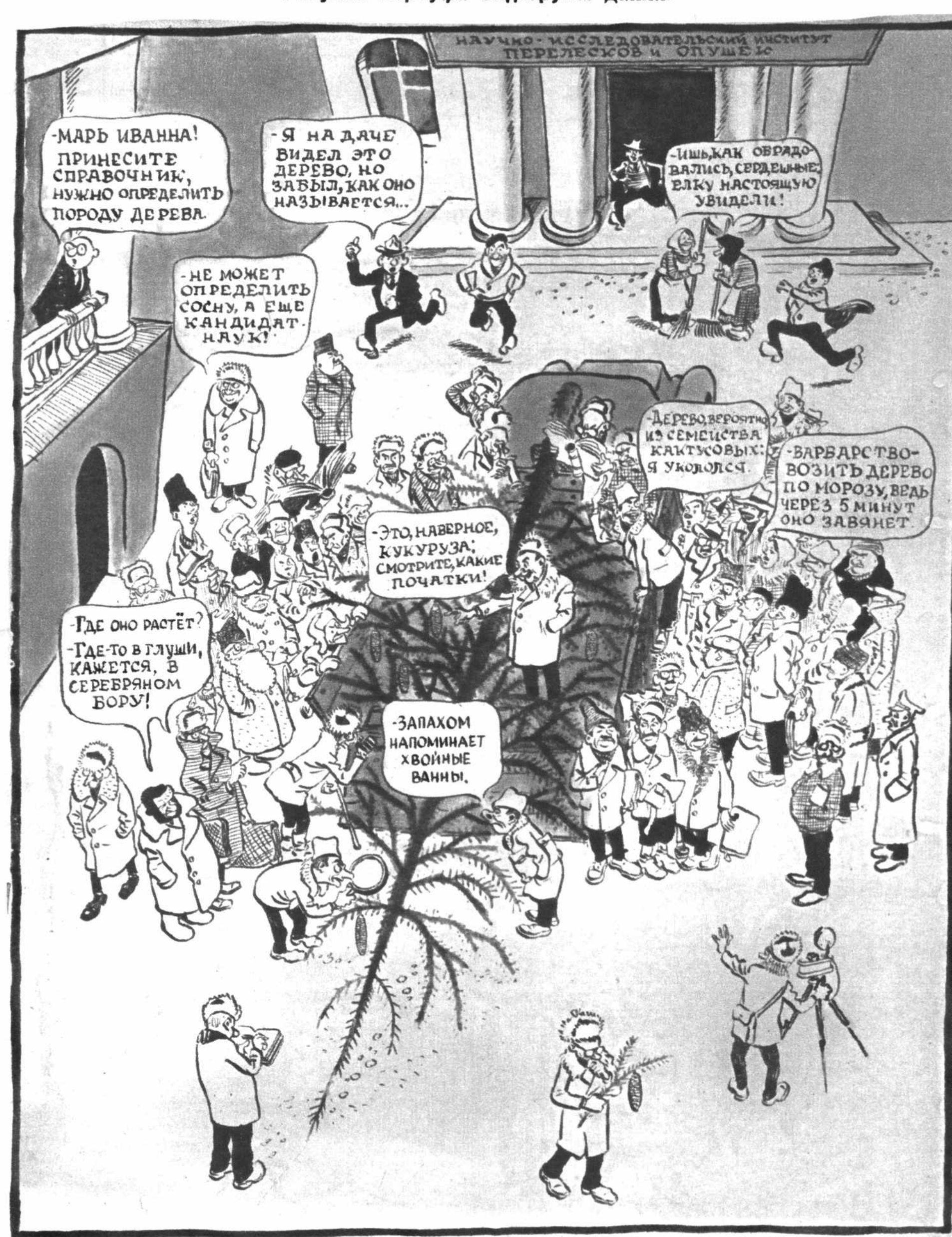
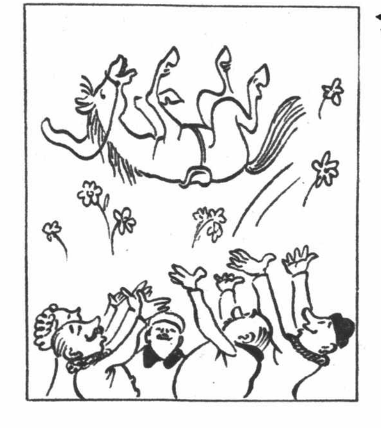

Рисунок Херлуфа Бидструпа. Дания.

ЕЛКУ ПРИВЕЗЛИ. **Рисунок Е. Ведерникова.**

← ЧЕМПИОН ИППОДРОМА.
Рисунок К. Невлера

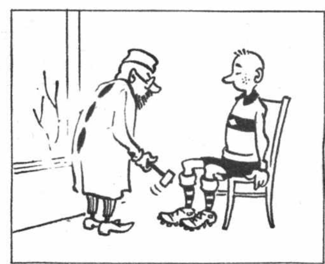
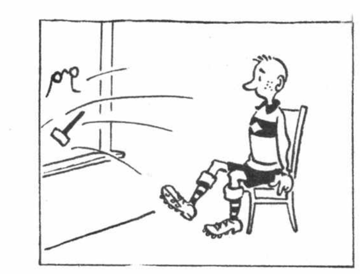

— ВЫ ДАВНО ЖДЕТЕ?

Рисунок М. Вайсборда.

РАССЕЯННЫЙ. Рисунок Вл. Гальба.

СПЛЕТНИЦЫ. Рисунок С. Кузьмина.

БЕЗУСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС. Рисунок К. Невлера.

К этому номеру приложен табель-календарь на 1960 год.

Премии журнала «Огонек» за 1959 год

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила ежегодными денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1959 года. Премированы авторы: Н. Адамян (рассказ «Вина непрощенная» — № 22), Д. Бальтерманц (обложка «Огонька» № 46), П. Бровка (стихи «Новые строки» — № 17), В. Горяев (иллюстрации к рассказу В. Логинова «Алкино море» — № 47), В. Кожевников (маленькая повесть «Товарищ Елкин» — № 23), Ю. Коровин (иллюстрации к рассказам: «Стюардесса» Ю. Нагибина — № 24 и «Свет из чужих окон» Н. Евдокимова — № 29), В. Логинов (рассказ «Алкино море» — № 47), А. Новиков (фотографии поездки Н. С. Хрущева в США — №№ 39, 40, 41, 45), А. Прокофьев (стихи «Родимый край» — № 38 и «Лирика» — № 50), В. Ревунов (повесть «Красный день» — №№ 13, 14), С. Смирнов (поэма «Русская красавица» — №№ 35, 45, 52), В. Титов (очерки: «В краю перепуганных птиц» — № 14 и «Куда девался гриб?» — № 50), Н. Тихонов («Рассказы о себе» — №№ 26, 27), И. Тункель (фотография С. Т. Коненкова — № 12) и М. Шагинян (очерк «В мире кибернетики» — № 16).

Н. Адамян. Д. Бальтерманц. П. Бровка.

В. Горяев. В. Кожевников. Ю. Коровин.

В. Логинов. А. Новиков. А. Прокофьев.

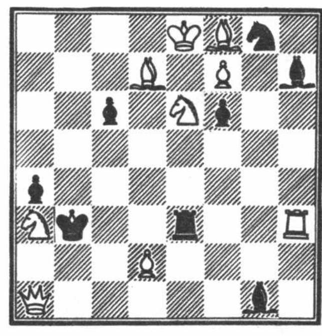
В. Ревунов. С. Смирнов. В. Титов.

Н. Тихонов. И. Тункель. М. Шагинян.

ЗАДАЧА П. П. КЕРЕСА.

МАТ В ДВА ХОДА.

Старинный указатель

Нелегко сразу заметить на одном из домов улицы Зимняя Канавка старинную мраморную доску с надписью: «Почтовая». Заинтересовавшись ею, я обратился за разъяснением в Государственную инспекцию по охране памятников Ленинграда. Там подтвердили мое предположение: это — прежнее название улицы. Указатель был повешен в XVIII веке. Повторение названия по-немецки было, вероятно, вызвано большим количеством иностранцев в Петербурге.

Б. БОЯРИНСКИЙ

Ленинград.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

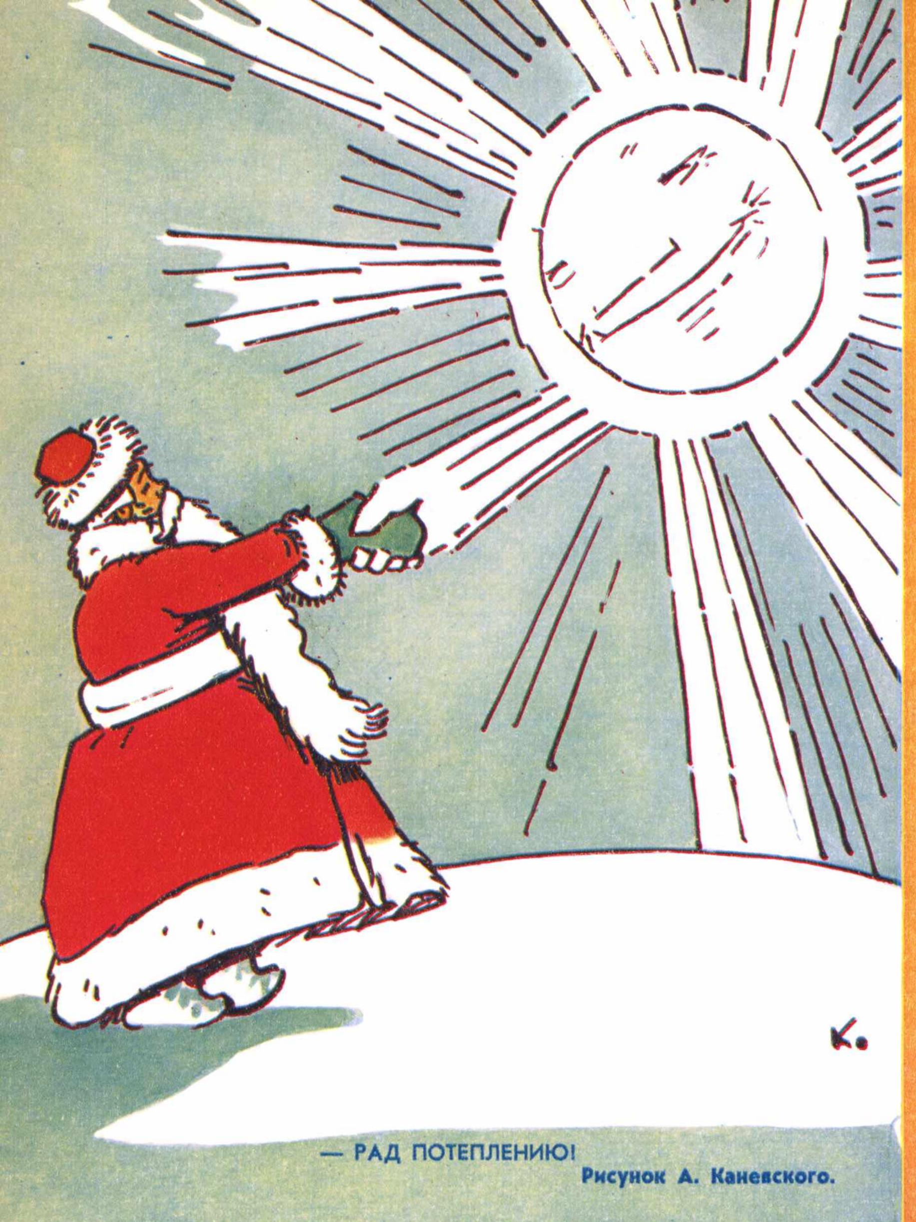
А 010564. Подписано к печати 25/XII 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 2. Заказ № 2943.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

МАТЧ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ.

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

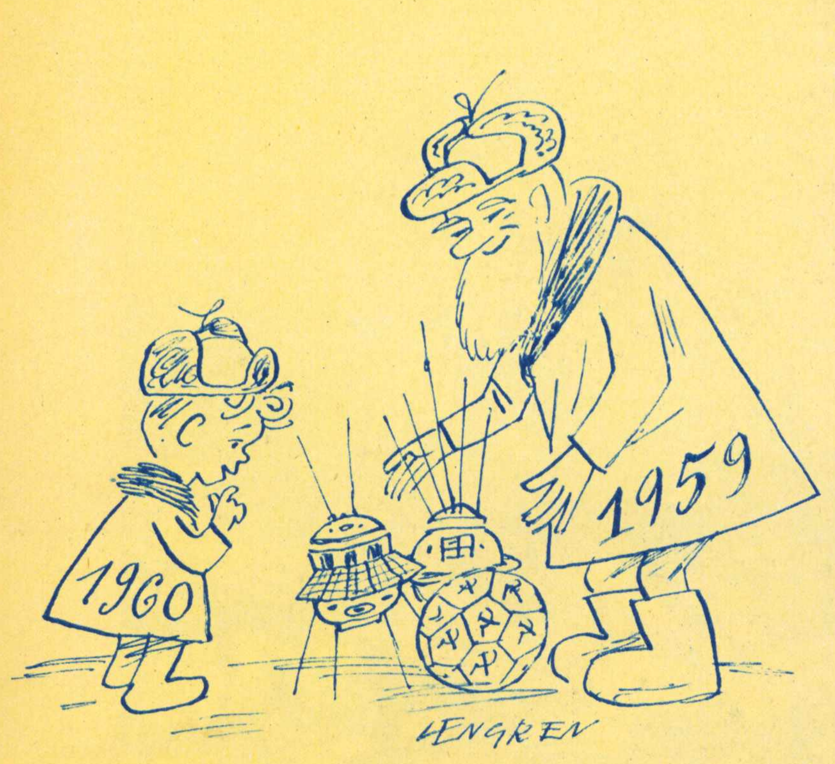
«ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД» АБСТРАКЦИОНИСТОВ.

— РАД ПОТЕПЛЕНИЮ!
Рисунок А. Каневского.

— НАЖИМАЙТЕ, ДЛЯ НАС СЕЙЧАС ГЛАВНОЕ — ОХЛАДИТЬ АТМОСФЕРУ!
Рисунок Е. Ведерникова.

ГОД 1959-й:— ВОТ ТЕБЕ НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ.
Рисунок Ленгрена. Варшава.

Цена номера 3 руб.

— А ЭТОТ ХЛАМ МЫ ВЫБРОСИМ!
Рисунок Рауля Вердини. Рим.

ОГОНЁК

Е. В. Вучетич. ПЕРЕКУЕМ МЕЧИ НА ОРАЛА

Дни недели	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
Понедельник	4 11 18 25	1 8 15 22 29	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Вторник	5 12 19 26	2 9 16 23	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Среда	6 13 20 27	3 10 17 24	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Четверг	7 14 21 28	4 11 18 25	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Пятница	1 8 15 22 29	5 12 19 26	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Суббота	2 9 16 23 30	6 13 20 27	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Воскресенье	3 10 17 24 31	7 14 21 28	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26

Дни недели	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
Понедельник	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Вторник	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Среда	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Четверг	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Пятница	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Суббота	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Воскресенье	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25

1 ЯНВАРЯ — Новогодний праздник, **1—2 МАЯ** — День международной солидарности трудящихся, **7—8 НОЯБРЯ** — 43 года Великой Октябрьской социалистической революции, **5 ДЕКАБРЯ** — День Конституции СССР.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ · 1960